

Сергей Голубев

**ПРАВО
ПЕРВОГО ХОДА**

Сергей Голубев
Право первого хода

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Голубев С. В.

Право первого хода / С. В. Голубев — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Она должна была умереть. Ничего личного, просто жертва на алтарь сурового бога по имени Власть. Эта книжка о том, как люди, попав в почти в безвыходную ситуацию, сумели сломать ход событий. Они не изменили мир, но в чем-то изменились сами. Они не смогли уничтожить Машину, но скрип ее суставов стал немного громче. Воля к жизни, любовь, дружба - вот камушки, ломающие зубцы ее чугунных шестерней. Об этом и книжка. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Часть I

Глава 1

Ах, господа, право же, хватит!

К чертям собачьим это осточертевшее еще при большевиках брюзжанье. Давайте же, наконец, соберемся с духом, возьмемся за руки, напряжемся и всем миром дружно скажем: "Cheese!", что, как известно, на языке бывшего вероятного противника означает "сыр". И не надо сразу думать о мышеловке. Мы не крысы, а сыр не всегда бывает бесплатным, зайдите в ближайший универсам и убедитесь в этом.

Вспомним же, наконец, что всякая палка о двух концах и во всякой бочке дегтя всегда есть своя ложка меда. Взглянем же вокруг себя непредвзятым и независтливым оком. Как преобразились и похорошели наши города и веси, какие коттеджи украшают некогда унылые пригороды, какой причудливой архитектуры здания возносят к небесам свои этажи на предусмотрительно оставленных градостроителями пустырях, в каких экзотических местах отдыхают ныне наши с вами сограждане, и уже не понятно, над чем, собственно, смеялся Жванецкий, произнося: "В Париж, срочно, по делу!..". Да, в Париж, да, по делу на три дня. Ну, и что?

А какие автомобили проезжают мимо вас, когда вы стоите на трамвайной остановке! Взгляните, почувствуйте, вспомните как годы и годы назад вы листали случайно попавший вам в руки журнал, истрепанный и закапанный слезами, с текстом на непонятном и ненужном языке и с яркими фото блестящих и стремительных авто. Вспомните, вспомните ваши вздохи по поводу того, что никогда, никогда!.. никогда не увидите их вам вживе, не ощутить, не прикоснуться к их лоснящейся поверхности. Воистину, никогда не говори "никогда". Вот они стоят перед вами на тротуарах, и вам приходится идти по проезжей части, мешая проехать другим, еще не припарковавшимся. Вот они мчатся мимо вас, орошая ваши брюки дождевой влагой из неизбежных отечественных колдобин. И не надо ругаться, ведь колдобины эти – это как раз то самое, родное, наше, и если мы еще и от них откажемся...

И вот вы стоите на своей трамвайной остановке и тихим ласковым словом поминаете с благодарностью тех, кто дал вам возможность жить в это замечательное время, наслаждаться всеми этими некогда почти инопланетными зрелищами, тех, кто едет сейчас за темными стеклами этих ртутно поблескивающих, по-самолетному обтекаемых колесниц, и думаете: хорошо ли им там? Догадываясь, впрочем, что хорошо.

1

Да, хорошо! Вика поняла это еще в тот самый миг, когда перед ней только отворилась дверца длинного, блестящего и гладкого как обсосанный леденец лимузина.

Да нет же, замечательно, осознала Вика свою ошибку опустив свои 56 кг на чуть скрипнувшие подушки заднего сиденья. И подушки эти приняли ее тело ласково, даже нежно и вместе с тем с явным чувством собственного достоинства, исключая даже намек на слишком податливое лакейство, свойственное сиденьям более дешевых марок. Это сиденье умело относится с уважением к вашему заду, но не допускало фамильярности. Оно знало себе цену.

Восхитительно! Еще раз поправилась Вика. Понимание этого вошло в нее с первым вдохом восхитительно прохладного после уличной жары воздуха. Воздух был свеж, слегка припахивал кожей и еще какими-то ароматами, чьи оттенки, смешиваясь в соответствующих пропорциях, создавали в салоне негромкую, но очень приятную обонятельную симфонию.

Дверца захлопнулась с тихим, но внушительным звуком. Можно было быть уверенным, что эта дверца не откроется сама по себе и не будет дребезжать во время езды.

Кайф!

Открыв другую дверцу рядом сел Славик. Сиденье под ним скрипнуло чуть громче, чем только что под Викой. Словно бы поздоровалось с хозяином. Славик чуть подпрыгнул, умащиваясь поудобнее и всем телом повернулся к Вике. Улыбка, присущая его физиономии, как чьей-нибудь другой усы или борода, стала как будто еще шире. Его слегка выпуклые, большие карие глаза блестели, благодаря им Славик чуточку смахивал на какого-то давно виденного Викой индийского киноактера. Вика тихо вздохнула и села чуть аккуратнее, машинально поправив юбку. Как все-таки жаль, что она не любит Славика. А ведь когда-то, давным-давно, была влюблена.

Следом за Славиком сел куривший на улице водитель – здоровый, белобрысый, почти наголо стриженный мужик, своим мрачным видом являвший разительный контраст по-жениховски сияющему Славiku. Видно было, что необходимость обслуживать эту шантрапу уязвляет его чувство собственного достоинства.

– Ну, что? – не оборачиваясь густым басом спросил он.

– Как окошко открывается? – тихим шепотом спросила Вика Славика.

– Минуточку, – сказал Славик спине водителя. – Вот на эту кнопочку... – уже тише, интимнее – Вике.

Стекло поползло вниз. Вика высунулась, задрала голову и, увидев на балконе третьего этажа свою мать, помахала ей рукой. Та, улыбаясь едва ли не так же радостно, как Славик, помахала в ответ.

Викиной маме Славик нравился очень. Смущало ее только то, что они с Викторой ровесники. Браки среди ровесников, знала опытная Викина мама, зачастую не выдерживают, как она говорила, испытания временем. Женщина в сорок лет далеко уже не тот лакомый кусочек, способный соблазнить и раздражить сорокалетнего мужчину. А вокруг так много значительно более молодых и привлекательных.

Но если не заглядывать слишком далеко вперед, то Славик с его папой-ректором и без пяти минут губернатором, с его МГИМО, в котором он, похоже, совсем не плохо учится, с его обаянием и внешностью в конце концов, был, разумеется, самой лучшей партией из всех возможных вариантов. К тому же он влюблен в Вику, и если она все же окажется чуть поумнее и перестанет валять дурака, то есть, в данном случае, дуру...

Со старшей, Мариной, ведь как хорошо все получилось. Там, правда, муж – Александр Моисеевич (язык не поворачивается называть его Сашей), так вот, он-то как раз старше Мариночки на пятнадцать лет. И души в ней не чает. Развелся ради нее, и трое его отпрысков бродят где-то тут, и во многом из-за этого пришлось им уехать в Швейцарию. Ну, так и что? И прекрасно они там живут. Вот пристроить бы так же удачно еще и Вику, так и самим можно было бы туда же. Как шутит муж, по Ленинским местам. Шутить-то шутит, а немецкий учит. Надо бы и ей тоже заняться, вздохнула Викина мама, и, еще раз махнув рукой вслед выезжающей со двора машине, пошла в комнату.

2

Если вам уже за сорок, причем уже далеко за сорок, так что с мачты вашего корабля, выражаясь высоким штилем, можно уже разглядеть смутные контуры пятидесяти; если карьера ваша не сложилась, а работа давным-давно потеряла всякую привлекательность, не став взамен ни легче, ни проще; если у вас нет никакого хобби, поскольку работа эта проклятая отнимает слишком много времени и сил; если вы, тем ни менее, сохранили-таки изрядную толику здоровья и куража, когда-то щедрой рукой отмеренных вам природой; если вы не урод, не калека, а напротив, имеете в активе неплохую фигуру и не потерявшие, как ни странно, со временем привлекательности черты лица...

Вот, попробуйте, суммируйте все это и прикиньте, что там у вас получится в итоге. Подбейте бабки и скажите ради бога, чем жить, и зачем, и во имя чего?

А лучше ничего не говорите. И так все ясно. Нет у такой жизни никакого смысла, и искать его нехрена. Надо просто жить не заглядывая ни высоко, ни глубоко, а трезво, ясно и спокойно глядя вокруг себя и себе же под ноги. Жить, как говорится, сегодняшним днем. Ни о чем не мечтать, ни на что не надеяться, но того, что само идет в руки не упускать. И пусть какой-нибудь умник скажет, что это не жизнь, а всего лишь форма существования белкового тела, капитану милиции Аркадию Хватову, сорока семи лет, старшему следователю Центрального ОВД города Добрынинска от всей души насрать и на этого умника и на его высокоученое мнение.

Проклятая жара не спадала, несмотря на предвечернее время. Можно было бы уйти – повод найти не проблема, но на улице было еще жарче, а тут все-таки работал вентилятор и окошко кабинета выходило на восток и, залитая с утра солнцем, к вечеру комната успевала немного остыть. Делать ничего не хотелось. Полдня Хватов провел на улице, на самом солнцепеке, разбирая подробности несчастного случая на стройке. Криминала, как ни верти, не усматривалось. Обычное пьяное разгильдяйство и нарушения техники безопасности, про которую в последние годы как-то все забыли. Как ни жался капитан, норовя уйти в тень, причем в самом прямом смысле, августовское солнце все-таки достало его, превратив мозги в какую-то пластилиновую кашу.

Теперь он сидел в своем вертячем креслице (досталось по жребии после покупки в кабинет начальника райотдела новой офисной мебели) вытянув ноги, и с отрешенным лицом смотрел на экран монитора компьютера, на котором любой зашедший в кабинет без спроса (а чего не зайти, если замок второй день, как сломался и все никак не поставят), так вот, любой вошедший увидел бы на экране тривиальнейший пасьянс "косынка", не требующий ни ума, ни сообразительности, ни памяти. Ничего не требующий, за что всеми и любимый.

Вскоре дверь и правда без стука отворилась.

– Отдыхаем? – спросил, правильно оценив обстановку, вошедший.

Звали вошедшего Константин, фамилия его была Безродных. Происходил Безродных из сахалинских каторжников, каковым обстоятельством очень гордился. Был он невысок ростом, широк в плечах и прихрамывал на левую ногу. В чинах он с Хватовым ходил одинаковых, но был на семь лет моложе и, уже хотя бы в силу этого, перспективнее. Они считались друзьями насколько это возможно между двумя не первой молодости милицейскими чинами, то есть иногда вместе выпивали и могли вот так запросто прийти в свободную минуту потрепаться.

– Так с устатку, – ответил вошедшему Хватов не оборачиваясь. Приятеля он узнал по голосу.

– И не емши? – в тон ему посочувствовал Безродных.

– Где это тебя сегодня носит? – вопросом на вопрос отозвался Хватов.

Он, отчего-то тяжело вздохнув, выключил игру и повернулся к гостю.

– Садись, чего стоишь! – он кивнул на совсем какое-то беспородное, обтянутое порыжевшей от времени, местами драной материей кресло, зажатое между стеной и книжным шкафом. В кабинете был еще и стул, но сажать друга на него Хватов счел бы неприличным. На этом стуле сидели допрашиваемые.

Безродных сел, вытирая платком влажное лицо и тоже вытянув ноги.

– Воздуху дай чуток.

Хватов вздохнул и повернул вентилятор в сторону гостя. Лицу сразу же стало жарко и он почувствовал как в порах на лбу стала скапливаться влага.

– Ездили сейчас в Стрелецкий район. 70 километров в одну сторону. Из них 20 по такой дорожке, что я тебе дам!.. Хорошо дождя не было, а то совсем бы застряли.

– Повезло, – согласился Хватов, – а чего это вас туда понесло? Не по грибы ли часом?

– Да нет, какие сейчас грибы, – не понял юмора Безродных, – тут у нас стручок один раскололся... Помнишь гоп-стопы на Лермонтова? Вот он нам в порядке активного сотрудничества их лежку указал. Ну, мы не стали местных оповещать, так, на всякий случай... Просто взяли да и мотнули как снег на голову.

– Ну, и?.. – подбодрил замолчавшего приятеля Хватов.

– Да что?.. Давно свалили они оттуда. Ну, ничего, теперь-то им недолго гулять. Имена знаем, фамилию одного. Пробыли – есть на него материал. Наш человек, две ходки. Теперь в розыск, найдем, а там и остальных повяжем.

– Всего и делов. – согласился Хватов.

– В общем-то, конечно, день зря профукали, если бы с местным участковым связались, можно было бы и не ездить. Но у них там, видишь, связь нарушилась. Какой-то идиот на комбайне за самогоном поехал, провод оборвал. А через район действовать не решились. Мало ли что? Самим-то надежнее. Машину в лесочке замаскировали неподалеку. Сами пешочком – вроде как гуляем по природе, блин... Хорошо еще хату не обложили, решил я все же к участковому для начала, диспозицию так сказать уточнить, ну и все такое. А он эту компанию отлично знал, оказывается. Но в селе они не шалили, а один из них свой, местный – вот его-то мы фамилию теперь и знаем.

– Ну, ладно, чего Бога гневить. Все живы, здоровы. В такую жару, да на природу... Искупались хоть?

– Да так, окунулись. Там у них прудик, да больно грязный.

– Ну хоть самогону-то местного отведали?

– Да этот, участковый, угощал, – скривился Безродных, – да в такую жару... Ну, грамм по сто приняли, а больше как-то, знаешь...

Помолчали. Из открытого окошка тянуло несвежим духом позднего городского лета и доносился надоедливый звук гоняемого автомобильного движка.

– Как тебе эта, новенькая? – спросил Безродных.

– Это практикантка, что ли? – уточнил Хватов. – Наташа, по-моему?..

– Ну...

– Да вроде ничего. На вид. Как на ощупь еще не пробовал.

– Ты, Аркадий, с ней, знаешь, поаккуратней. – почему-то оглянувшись, будто опасаясь увидеть за спиной соглядатая, и понизив голос сказал Безродных. – В смысле насчет на ощупь.

– А что, у нее там заминировано? – удивился Хватов.

– Почти что. Суслик ее сюда пристроил. Он у них, ты знаешь, курс ведет, так вот, говорят, он на нее глаз положил и всячески фалует.

– Кто говорит-то?

– Девки в канцелярии.

– Ну, эти-то знают, – согласился Хватов.

– И Верка намекала.

– Яс-с-но! – вздохнул потянувшись всем телом, закинув руки за голову Хватов. – Спасибо за предупреждение, – улыбнулся он. – Кто предупрежден, тот вооружен. Буду ходить по другой улице.

Они взглянули друг на друга и неожиданно расхохотались, почувствовав как спало напряжение. Разговор этот был неприятен обоим, но он, слава богу, закончился и закончился вполне благополучно.

– Ладно, – сказал, вставая с кресла Безродных. – Конец рабочего дня. Много у тебя еще на сегодня?

– Да нет, отчет вот... Сейчас соберусь с духом.

– По этим, с рынка?

– Ну да. Кончать надо.

– Ладно, – повторил Безродных, – творческих успехов. Кто у нас сегодня дежурит, не Петруха?

– Петруха.

– Пойду, навещу боевого товарища.

– Вот-вот, правильно, поддержи человека в трудную минуту.

Безродных вышел. Хватов послушал удаляющийся звук его шагов в пустом коридоре, встал, подошел к окну. Если не отвлекаться – работы где-то на час. И домой. Хороший дом, – вспомнилось ему, – хорошая жена, что еще нужно человеку, чтобы встретить старость?

– Вот именно. – согласился Хватов, садясь за стол. – Какого черта мне еще нужно?

3

В тот самый миг, когда капитан Хватов, хмуря брови на посуровевшем челе, сидел за окончание своего отчета, в тот самый миг, когда улыбающийся Славик вводил Вику в гостеприимно распахнутые двери кафе "Ассоль", в этот самый миг в дверь квартиры, где временно обитал Вадим Шмидт постучали.

Вошедший был значительно моложе сорокалетнего Вадима, но выглядел лет на сорок пять, если не больше. Звали его Макс, фамилии его Вадим не знал. Сомнительно было, помнил ли ее сам ее обладатель. Но фамилия Макса Вадиму была не нужна, как не нужна она была никому, включая самого Макса, как не нужен был никому и он сам, его небритая, в ранних морщинах физиономия, немые свалывшиеся патлы, свисающие до плеч, весь он – унылый, длинный, костлявый, взирающий из-под набрякших век на этот поганый мир взглядом протухшей рыбы.

– Заходи, садись вон на диван. Пить хочешь?

Холодное, из холодильника, пиво как вода в песок жаркой пустыни уходило в Максому трубу. Он пил жадно, торопясь, захлебываясь, руки у него заметно дрожали и часть животельной влаги стекала по щетинистому подбородку, смачивая перекатывавшийся под кожей кадык. Левая ладонь его была замотана грязной марлей.

– Что с рукой? – поинтересовался Вадим когда гость, наконец, отпал от бутылки, оставив там гораздо меньше половины.

– А-а, ерунда! Обжегся вчера. Химку с ребятами вчера варили, ну вот и... Да мне, знаешь, это фуфло!.. Что я, пацан, что ли? Мне бы ширнуться по-настоящему. Гера, падла, в долг не дает, га-а-ндон!..

Макс в возбуждении вскочил с дивана. Его шатнуло, но он не обратил на это внимания, потрянул головой и яростно стал скрести всей пятерней затылок. Ему было худо.

Вадим спокойно смотрел на своего визитера. Все это он уже видел, и не раз. Он знал, что будет дальше и теперь заранее прикидывал, как ему поступить.

Вадим был из давно обрусевших поволжских немцев, людей спокойных, рассудительных, порядочных и работающих. Когда-то их семью выселили в Казахстан, но они давно уже покинули негостеприимные степи и перебрались сюда, в Добрынинск. Теперь от всей их семьи остался только он. Ну где-то были, конечно, какие-то дальние родственники, но Вадим не знал их, а значит их как бы и не было. На всей этой земле он был совершенно один. И сейчас он был один. Макс был не в счет. Решать он все равно будет сам, и полагаться, как всегда, будет только на себя.

– Может, займешь на дозу? Я ж отдам, ты знаешь.

– Знаю, что не отдашь.

Диалог этот был совершенно не обязателен. Макс прекрасно знал, что Вадим денег не даст, немчура сучья. Последний раз ему удалось выпросить некую, сейчас уже забытую сумму где-то с полгода назад, и, конечно, он ее не отдал, как не отдавал никому и никогда. Но не

попросить тоже было нельзя, это был как бы уже ритуал, да и потом вечно живая надежда все же теплилась: а вдруг все-таки даст?!

Сам Вадим наркотики не употреблял. Мало того, он не пил ничего крепче пива, а попав на зону даже бросил курить. С куревом там была вечная напряженка и чтобы не уподобляться многим, унижающимся ради чужого бычка, Вадим просто отказался от этой заразы и с тех пор уже больше не начинал. Никаких дружеских чувств к Макс и ему подобным Вадим не испытывал и не был ему ничем обязан. Он просто терпеливо и спокойно сносил его, как неизбежное зло, вернее как неотъемлемую часть того мира, к которому он, Вадим, теперь принадлежал. Да, теперь это был его мир, поскольку другой мир, в котором он жил с детства, в котором жили его родители, друзья, все кого он когда-то любил и уважал, тот мир отверг его, выплюнул, исторг из себя, не оставив надежды на возвращение.

– Значит, не дашь? – продолжал нудить Макс, неприкаянно болтаясь по комнате. – Агафон, сука, мне еще с прошлого месяца должен. Дождется, гад, я на него Митюху с кодланом натравлю. Денег нет, говорит. Тачку себе новую купил, денег у него нет! Крыса! Мои же бабки зажал, скрысятничал, падла, денег нет!.. У тебя тоже, что ли нет?

– Почему нет? Есть немного. Шамать не хочешь?

– Да пошел ты!.. Какой там, шамать!

Макс безнадежно махнул рукой, – Ну что ж, хозяин-барин. Захочешь когда пожрать, приходи. Накормлю. А на дурь не дам.

– Гнида ты немецкая. Гестапо сраное. Гитлер капут!! – вдруг заорал, разворачиваясь и замахиваясь мосластым кулаком Макс.

Вадим, чуть отстранившись и подставив локоть, отвел удар и, в свою очередь, тыльной стороной ладони несильно ткнул гостя в подбородок. Тот плюхнулся на диван, тут же сгорбился и замер, спрятав лицо в ладонях.

Вадим сел на стул напротив, глядя как Макс, тихо скуля, раскачивается из стороны в сторону. Такие типы безопасны, если только не поворачиваться к ним спиной. У того же Макса где-то в кармане прячется выкидной ножик и в момент приступа ярости он вполне может им воспользоваться. Пырнет от души. Потом, конечно, будет каяться, соплями изойдет, но сначала зарежет. Так что лучше всего держать его в поле зрения. Особенно, когда он на взводе, вот как сейчас.

Тихо текли минуты. В растворенную настежь балконную дверь доносилась какофония звуков большого города. Макс поднял голову и Вадим увидел на его лице некое подобие улыбки.

– Ладно, – сказал Макс. – тогда сегодня в курятник?

Вадим прекрасно понимал, что, собственно говоря, он за этим и пришел. Все остальное было неизбежной прелюдией. Просто у Макса свои понятия о правилах хорошего тона и он считает, что запахло сразу обращаться с такого рода просьбой. Вначале надо доказать и себе и, главное, собеседнику, что все альтернативные варианты исчерпаны и, что ж поделаешь, ничего другого не остается...

И отвертеться не удастся. Это Вадим понимал тоже очень хорошо. Если еще и в этом мире он перестанет быть своим, то ему просто не выжить. А оставаться своим можно, только поступая по понятиям этого мира. И по этим понятиям отказаться он не мог.

– Живет же такая тварь... божья. И не сдохнет никак. – подумал Вадим, а вслух спросил: – Что, сильно прижало?

– У-у-у! – взвыл, скрипнув зубами, Макс. – Подыхаю. Подыхаю, понял?

И снова принялся раскачиваться, обхватив голову руками.

– Ладно, пойдем, хрен с тобой, только попозже. Сегодня будет дивная ночь. Ночь, просто созданная для любви. Так что, я думаю, поднимемся неплохо.

– А чего ждать? – не поднимая головы возразил Макс. – Чего ждать-то, уже и так вечер, пока доберемся – стемнеет. Сейчас уже рано темнеет, – слова его доходили до Вадима комком невнятных звуков, бормотаньем, ничего не значащим шумом.

– Ладно, через полчаса пойдем. Все ближе к ночи, да и попрохладней.

– Ага... Когда придет блудница ночь и сладострастно вздрогнут гробы...

– Что? – Вадиму показалось, что он ослышался. – Что ты сказал?

– Ничего, отвали.

– Гробы?.. – Вадим пристально взглянул на сидящую перед ним фигуру. – ... Я к прелестям твоей особы подкрасться в сумраке не прочь.

Он замолчал. Затих и Макс. Надо же, кто бы мог подумать! Этот урод наизусть цитирует Бодлера. Откуда? Кто вы, мистер... Макс?

Через полчаса они вышли из дома. Уже и вправду начинало смеркаться.

– Время охоты, – подумал Вадим, – самое оно...

4

Застолье уже миновало ту первую, самую тягостную фазу, когда в большинстве своем посторонние друг другу, удручающе трезвые люди, исподтишка поглядывая по сторонам, с преувеличенной вежливостью угощают соседей по столу стоящими рядом с ними салатиками. Скванность, смущение, неловкие движения и еще большее смущение из-за этой своей неуклюжести, все это, слава богу, ушло в прошлое. Кануло в лету и забылось. Как забылись имена большинства гостей, с которыми Света, как хозяйка вечера знакомила Вику.

Да и на что ей их имена? Расстанемся и не вспомним друг друга. Завтра в толпе я не узнаю ни одного – думала Вика.

Странно, почему из всех однокурсников Светка пригласила только ее? А эти все кто? Откуда? Порой Вике казалось, что это все вовсе и не Светкины друзья-приятельницы, скорее уж ее этого Виктора, кто он там ей – жених? Так, бой-френд? Ей-то, Вике, в принципе какая разница?

Этот Виктор присутствовал здесь как бы виртуально. Место у него было, правда, почему-то не рядом с хозяйкой, а чуть ли не на другом конце длинного стола, и он иногда появлялся на этом месте, чего-то быстро проглатывал, выкрикивал какой-нибудь тост вроде: "Ну, будем толстенькими!" или "Ну, ладно, чтобы у всех и всегда!..", залпом выпивал, и убегал, на ходу зажевывая.

Сперва Вика подумала, что Виктор хозяин, или, по крайней мере директор этого кафе, но Света сказала, что нет, просто у него здесь друзья и вообще "все схвачено". Это обстоятельство объясняло выбор заведения, наверняка не лучшего в городе (хотя Вика и не могла считать себя в этом вопросе знатоком, но кое-где она все же успела побывать, особенно сейчас, с приездом Славика). Да и находилась эта "Ассоль" у черта на куличках, в двенадцатом микрорайоне, где Вика и не бывала-то никогда.

Вообще все это мероприятие свалилось на нее как снег на голову. Никогда они с этой Светкой Полонской особо не дружили. У каждой из них был свой кружок, и интересы их как-то не пересекались. Светка – высокая, шумная, резкая, любила экстравагантные наряды, первая украсила себя модной татуировкой и пирсингом. Вокруг нее всегда было много народу, – она любила быть в центре, и в основном народ был все приезжий, из разных мест области. Светка, видимо, представала перед ними эдаким воплощением столичного духа.

Но душой она не была. Училась легко, хорошо, а по некоторым предметам так и вовсе блестяще. Это обстоятельство их сближало. Несколько раз они готовились вместе к рефератам. Сблизило их, как будущих историков и совместное увлечение допетровской эпохой, загадкой личности Самозванца, драматичностью судьбы Марины Мнишек. Но личные жизни их лежали совершенно в разных плоскостях.

А вчера вдруг Светлана позвонила и, как будто это было в порядке вещей, пригласила Вику на свой день рождения. Конечно, это можно было объяснить каникулярным временем. Все поразъехались, приходится довольствоваться тем, что есть. Но вот, к примеру, Верка Топтыгина – одна из постоянных Светкиных спутниц, она точно дома. Вика встретила ее на днях и та жаловалась, что приходится торчать здесь, в этом пекле, а все потому, что у родного папочки опять случился облом с деньгами. Веркин папа был предприниматель и все время качался на финансовых качелях: то вдруг лопаются от денег, а то бедной Верке не на что в буфет сходить. Ну, и где же эта Верка?

Нет Верки, и спросить об этом Светку как-то неудобно: может, они поссорились. Тогда зачем наступать на больную мозоль. И еще Светка просила непременно привести Славика. Это тоже было странно. Славик, конечно, не иголка, фигура в городе заметная – все же сын одного из самых известных в городе людей, кстати ректора их со Светкой университета. Но откуда она узнала, что Славик и Вика...

Да, собственно, если что и было когда-то, – господи, еще в десятом классе! – если что и было, так это было давно и неправда, чтобы там Славик ни думал по этому поводу. Про школьные дела Светка знать никак не могла, они жили в разных районах города и, соответственно, учились в разных школах. Никому из их общих знакомых Вика про Славика не рассказывала. Два года его не было, она про него и думать забыла. Теперь вот приехал из этой своей Москвы, и всю эту неделю просто покою от него не было. Буря и натиск. Вика, если честно признаться, устала от него и поэтому, услышав Светкино приглашение, даже обрадовалась: может быть эта красавица сумеет переключить на себя внимание ее кавалера.

И вот только сейчас она вдруг задумалась обо всех этих странностях. К тому же Светка никак не демонстрировала, что хотела бы завладеть вниманием Славика. Да и Виктор этот, несмотря на свое постоянное отсутствие, тем ни менее все-таки был здесь, мелькал. А он, похоже, парень серьезный. Как сейчас принято говорить "из крутых". Вряд ли он слишком спокойно отнесся бы к ухаживанию Славика за его подружкой. Но Славик и сам не очень обращал на Свету свое благосклонное внимание.

Славика было не до того. Славик, привычно сияя своей неотразимо-белозубой улыбкой, купался в лучах славы. Неизвестно, кем он там был в этом своем МГИМО, провинциал несчастный, может тихо и скромно сидел в уголочке и не рыпался, но здесь он был безусловно гвоздем программы и кумиром почтеннейшей публики.

Славик был нарасхват. Одних, преимущественно девчонок Викиного возраста и моложе интересовали подробности столичной жизни, особенно личной жизни московского бомонда, других – перипетии предвыборной борьбы и послевыборные перспективы в их родном городе. Вперемешку со звоном бокалов и заздравными выкриками раздавалось со всех сторон:

- Слава, – а правда, говорят, что Киркоров сказал, что не будет больше выступать?
- А что, в Москве действительно памятник Цюю поставили? А вы видели?..

И только Славик оборачивался, чтобы доложить, что памятник Цюю действительно установили на Арбате, хотя и гипсовый, как с другой стороны уже доносилось:

- А правда, что Татьяна Дьяченко развелась с Юмашевым?
- Вячеслав Сергеевич, а вот ваш отец заявил на днях на собрании в Погорелом...
- Славик, а вы видели Максима Галкина? А что, он правда сейчас на "Бентли" ездит?
- А скажите, как вы считаете, Кензо...
- А мне лично Борселино больше нравится.
- Борселино на последнем показе, конечно... Но Кензо все равно круче. А вам как?..
- У Аллегровой, говорят, роман с Шуфутинским...
- А что, у Нагиева...

И Вика решила, что Славика пора выручать.

- Потанцуем? – шепнула она ему на ухо.

5

Бог есть любовь. Любовь правит миром. "Делайте любовь, а не войну" – такой лозунг бросили человечеству хиппи еще в шестидесятых. Войн с тех пор, правда, не стало меньше, но "делать любовь" научились везде, даже в платонической Стране Советов. Что уж говорить про нас, живущих в веселую эпоху перемен. С усердием неофитов и кроличьей торопливостью кинулись мы осваивать заповедную некогда камасутру, и если бы не климат и не контрацептивы, то приростом населения мы далеко переплюнули бы пресловутых китайцев.

Да, именно климат! И не зря я поставил его на первое место. А что же вы хотите, если огромный процент "делателей любви" (мы настолько цивилизовались, что теперь называем их красивым американским словом "fucker"), так вот, так уж получается, что большинство самых активных "факеров" делают эту самую любовь, не ограничивая себя рамками устаревших институтов семьи и брака. А значит и не дома. Потому, что дома жена. Или папа с мамой. Потому что юный "факер" с отдельной квартирой явление пока что скорее уникальное, чем повсеместное. Значит, возникает проблема "где?", где заняться практическим освоением той самой камасутры, если, в отличие от родины ее авторов, у нас на дворе большую часть года то дождь, то снег, то грязь после них. Вот и приходится ловить счастливые мгновенья в случайно и ненадолго освободившихся квартирах, антисанитарных чердаках или заниматься петтингом по подъездам.

И только наше короткое, как секс во время обеденного перерыва, лето, только эти несчастные полтора-два месяца освобождают нас от суетных забот о брэнном и зовут в объятия вечной и чистой любви.

Ах, какая это поэзия, господа, оказаться вдвоем с любимым существом под гостеприимным пологом ближайшего пригородного лесопарка. Интимный мрак, таинственный шорох ветвей, тепло нагретой солнцем земли... Запах трав мешается с запахом новейшего средства от пота фирмы Лореаль. У вас кружится голова, сердце бьется в унисон с сердцем вашей избранницы, вы тонете в ее губах, ее груди, ее волосах, ее...

И вдруг яркий свет. И вдруг громкий глумливый смех. И вдруг чей-то грязный ботинок касается вашего обнаженного, незащитного тела!

Прямо скажем: подглядывать из кустов за брачными играми свих сограждан – это занятие не для джентльменов. Но Вадим с Максом себя к таковым и не относили.

– Так, запиши-ка номер машины! – громко командовал Вадим не имеющему ни ручки, ни бумаги Макссу.

Сам он в это время щелкал фотовспышкой, активно перемещаясь вокруг легковой машины, в которой в ужасе застыла застигнутая на месте преступления парочка.

– Документы! Документы приготовьте! – это уже мужику, чья бледная физиономия маячила в глубине салона.

Девушка, видимо приходя в себя, начала что-то блеять и дергаться, пытаясь выбраться из-под партнера, все еще находящегося в состоянии ступора. Макс хихикал, стоя позади Вадима. Все протекало штатно.

Они называли это "ходить в курятник" или "щупать курочек". Бог его знает, почему именно так. Промысел этот был сугубо сезонным, но достаточно прибыльным и безопасным. К тому же они не нарушали никаких статей уголовного кодекса. Хотя, конечно, черт его знает, там столько всего написано. Во всяком случае, кажется, никому еще не пришло в голову жаловаться на них в милицию. Лучше уж отделаться легким штрафом, чем вытащить на всеобщее обозрение свои маленькие интимные тайны.

– Ну, так что? – продолжал ковать горячее железо Вадим. – Могу я посмотреть ваши документы? И вашей спутницы, кстати, тоже.

– Развели тут, понимаешь, порнографию, – высказал свое справедливое возмущение Макс, – а тут дети ходят. Езжайте вон, в Голландию, и можете себе трахаться там под каждым красным фонарем.

– Хм... – неодобрительно отозвался на эту отсебятину Макс. Он старался держаться строго и официально, видимо изображая из себя некое подобие полиции нравов, которой у нас, по правде говоря, пока еще, как ни странно нет. Нравы есть, а полиции почему-то... – Я долго тут возле вас стоять должен? Штаны бы хоть надели, гражданин. Смотреть же стыдно. Да и не на что, – добавил он вполголоса, обернувшись к Максиму.

Тот одобрительно заржал было, но, получив удар локтем в район селезенки, закашлялся.

Мужик лихорадочно задвигался. Видимо сообразил, как нелепо и некрасиво он выглядит. Практика показывает, что надевать на себя брюки, сидя в тесном салоне малолитражки гораздо труднее, чем снимать их.

– Вы бы вышли, – доброжелательно-строгим, почти отеческим тоном посоветовал Вадим страдалыцу. – Тут бы вам удобнее было.

Мужик, однако, на предложение никак не отреагировал, видимо из-за природной стеснительности, только усерднее стал брыкать ногами, пытаясь уловить перекрученную штанину. Его подруга даже не пыталась одеться, видимо понимая тщетность этих потуг, и только все натягивала на себя какой-то то ли плед, то ли чехол – в темноте было не разглядеть.

Макс и Вадим стояли рядом и, скрестив руки, с выражением сокрушенной добродетели на лицах в упор разглядывали сцену падения нравов.

Ситуация противостояния порока и добродетели разрешилась мирно и вполне предсказуемо. Незадачливый Дон-Жуан, экипировавшись, наконец, достаточно для продолжения переговоров, вылез из машины и теребя в руках права, которые, впрочем, не спешил отдавать, тоном жалобщика в приемной у прокурора, произнес:

– Может, не надо, а?.. Может так, а?..

Добровольные блюстители порядка на общественных началах сурово молчали, как бы не понимая делаемых им нехороших намеков. Их выдержке позавидовал бы любой лейтенант ГИБДД.

– Я же понимаю, – продолжал делать пассы в их сторону герой-любовник, – я же не отказываюсь. Ну, я же заплачу в конце концов! – перешел он на открытый текст, устав от твердолобости стражей общественной нравственности.

Вадим изобразил на своем лице ироническую усмешку.

– Вот даже как? И сколько же?

Мужик, обрадованный тем, что разговор, наконец, свернул на деловые рельсы, засунул права в карман, а вместо них извлек на свет божий бумажник.

– Вот, все!.. Все, что есть с собой. – замахал он зажатой в руке пачкой денег.

– Все не надо, – усмехнулся Вадим, забирая наличность. – Мелочь оставьте себе. На трамвай.

– Ну, так что, ладно?.. Все? Я поехал?

Вадим милостиво махнул рукой.

Потом, когда машина, завывая на первой передаче, шарахнулась на проселок, ведущий к шоссе, приятели при свете фонарика сосчитали полученный выкуп. Бумажек было много, но все они в основном были мелкого достоинства и вся выручка не дотянула даже до пятисот рублей.

– Вот, блин, зараза!.. Гнида паскудная, – отругал укатившего ловеласа Макс. – Все, гады, на халяву норовят! Ну, кто же с такими деньгами...

– Ладно, – перебил его Вадим. – Не гоношись. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Слушай, ну ты дай их мне, а?.. – заканючил Макс. – Мне бы как раз, а?.. А то, может, больше никто и не подвернется.

– На, заткнись. – Вадим сунул Максу пачку в руку. – Не гунди только. А то других спугнем.

6

Благими намерениями известно, куда дорога вымощена. Ведь предупреждали же добрые люди капитана Хватова: не лезь к ней, не надо. Да и сам он ведь честно собирался домой, к семейному уюту и телевизору. Как же: "Хороший дом. Хорошая жена!".. И что?..

А то, что вот она, сидит рядом, сверкая коленками в темноте салона, а его правая рука как бы сама собой, непроизвольно, не сказавшись левой, так и кочует с рукоятки рычага переключения передач на эти самые коленки. Потом обратно. А потом снова туда же...

А она, сучка, не возражает.

На окончание отчета Хватову, как он и предполагал, потребовался час. И он уже встал из-за стола, довольно потирая руки и разгибая согбенную спину – все, баста! На свободу с чистой совестью. Оставалось только убрать все бумаги и запереть их в сейф во избежание происков вражеской разведки, но тут его незапирающаяся дверь отворилась и в комнату ворвался сержант Махаев или Махно, как тут его все звали за чересчур веселый нрав и склонность к вольному толкованию священных строк УПК.

– Аркадий Валентиныч! Вот хорошо, что вы еще не ушли. Загляните на минутку в пятнадцатый. Шмелев просит.

И черт понес его в пятнадцатый, где кроме Шмелева сидело еще человек пять, в том числе и эта, стажерка, Наташа с такими приятными на ощупь коленками. Там, в пятнадцатом, его встретили как родного и попросили помочь в процедуре опознания. То есть его просили побыть подсадным. Конечно, это не принято, но нужно сейчас, срочно, а где еще они найдут такого подходящего типажа, подходящего и одеждой, и ростом и статью.

Чувствуя себя идиотом, Хватов сел на пустой стул у стены, рядом с двумя похожими на него мужиками, мрачно смотревшими по сторонам.

Ввели потерпевшую, высокую, полную, загорелую бабу лет тридцати с длинным хвостиком – явно рыночную торговку. Шмелев, ласково приобняв бабу за плечи, пошептал ей на ушко, объясняя процедуру, дал расписаться и, сияя как именинник в предвкушении эффектного конца, предъявил ей всех троих.

Наверное не надо было Хватову так нагло пялиться на потерпевшую. Слишком пристальный взгляд раздражает человека и привлекает к себе его внимание. Короче, баба эта, пристально осмотрев всех троих, скорчила злобную рожу и, сделав шаг в их сторону и протянув указующий перст в сторону головы Хватова, возопила:

– Вот он! Вот этот, товарищ милиционер! Он это! Я его, гада, хорошо запомнила. Это он у меня сережки вырывал.

Левой рукой она схватила себя за ухо, видимо до сих пор болевшее после упомянутой процедуры. И хорошо, что Шмелев догадался подойти к ней поближе и придержать за талию, потому что следующее ее движение с головой выдавало желание вцепиться в его, Хватова, волосы. Вероятно в качестве симметричного ответа на разорванное ухо.

Да-а! Если и попадал Хватов когда-нибудь в более идиотское положение, то сейчас он этого не помнил. Он продолжал сидеть, дурак-дураком, переводя растерянный взгляд с разъяренной бабы на Шмелева и обратно. Парни, сидевшие рядом, разом поднялись, как по команде и шарахнулись от него как от оголенного провода.

– Куда, куда?.. – залопотал расстроенный Шмелев. – Махаев, никого не отпускать до моего распоряжения.

– Как же, гражданин начальник, – обиженно забасил один из опознаваемых. Она ж меня не признала, могу идти!

– Сидеть! – заорал Шмелев.

Оба, обиженно бубня, снова заняли свои места рядом с Хватовым.

И вдруг в этом бардаке раздался звонкий и искренне веселый смех. Это та самая стажерка, Наташа, единственная из всех присутствующих, сумела по достоинству оценить юмор ситуации.

– Послушайте, гражданочка, как вас... Елена Васильевна, – начал вносить ясность Шмелев. – Вот этот, которого вы сейчас опознали как бандита, ограбившего вас в ночь с двенадцатого на тринадцатое августа, это наш сотрудник. Капитан милиции.

– Ну и что?! – обиженно вскинулась потерпевшая. – Как будто уж...

– А то, что в эту ночь опознанный вами гражданин находился на дежурстве. Понимаете? – заорал он, выплескивая на дуру-потерпевшую вполне понятную досаду и не менее объяснимое разочарование. – Он всю ночь тут был. На рабочем месте. Есть соответствующая запись в журнале и свидетели.

– Ну, я не знаю, – пошла та на попятную. – Вам, конечно, виднее. А похож... – с сожалением добавила она. – И пиджак вот тоже...

– Ладно, посмотрите еще раз. Повнимательнее. *Нету – ли – тут* – Шмелев говорил громко, будто разговаривая с глухой и ударением выделял каждое слово, – *кого – ни будь – кого – вы – видели!?*

– Нет уж! – не менее громким голосом сказала Елена Васильевна. – Хватит. Вы тут будете надо мной издеваться!..

В воздухе явственно запахло приближающейся грозой, слезами и истерикой.

– О, господи! – с тоской подумал Хватов. – Ну что б мне кончить этот долбаный отчет на пять минут раньше? Ну, в крайнем случае, завтра бы закончил.

Потом, полчаса спустя, когда страсти улеглись и все посторонние были отпущены по домам, Шмелев счел необходимым загладить свой промах и выставил бутылку "Губернаторской". Махно принес откуда-то соленых огурцов, потом его еще сгоняли в гастроном за хлебом, колбасой и банкой рыбных консервов, а Наташа очень красиво сервировала все это на аккуратно постеленной свежей газете.

– Икэбана! – восхитился Шмелев. – Могем же, когда хотим.

Нет, долго они не сидели. Да и Хватов, которому предстояло сесть за руль своей "пятерки", выпил как законопослушный водитель не больше ста, – ну, ста пятидесяти грамм. Так что был вполне трезв и адекватно реагировал на внешние раздражители.

Под самый конец импровизированного застолья, когда уже все дружно ликвидировали следы и наводили порядок, Наташа, близко подойдя к Хватову и в упор глядя своими большими, наивными голубыми глазами, спросила:

– Вы же подвезете меня, Аркадий Валентиныч?

Сумерки опускались на город, пряча в своей тени его мелкие детали и некрасивые подробности. Мимо проплывали башни Комсомольского проспекта, спереди надвигался в ореоле искусственного света торговый комплекс "Европа" – там былолюдно, шумно и суетно. Миновали его, миновали парк...

– А куда мы едем?

– Ну, ты же сама сказала, что хочешь покататься.

– И куда же мы едем кататься? – теперь это уже не был голос наивной девочки с распахнутыми доверчиво глазами. Она говорила негромко, чуть лениво растягивая слова, но в этой обманчивой расслабленности чувствовалось чуткое напряжение охотника. – Куданибудь, или так, куда глаза глядят?

– Ага, – согласился Хватов, – куданибудь туда, куда глаза глядят. А тебя интересует что-нибудь конкретное?

– Да нет, просто я подумала – чем так по городу кружить, может, мы за город прокатимся?

– Хорошая мысль, – согласился Хватов, вспоминая, остались еще у него в бардачке презервативы или нет.

И первый раз тогда его рука, соскользнув как бы случайно, попала на ее колено.

– А скажите, правда у вас Павла Николаевича Сусликом называют? – спросила Наташа некоторое время спустя.

– Хм-м!.. – запершило в горле Хватова от столь неожиданной темы. И воодушевление как-то сразу пропало. Вспомнились слова Кости Безродных. Ох, беда-а!.. – Ну, во первых, может, мы уже на ты перейдем? По крайней мере в нерабочей обстановке... А насчет Павла Николаевича – ну-у... Вообще-то, да. Только это его старинное погоняло. Еще до моего прихода было, так что я не знаю, откуда оно пошло. Может еще со студенческих лет. Так бывает, знаешь...

– А вас... тебя, то есть, извини... Ты в курсе, как тебя называют? Хватом!

– Это я знаю. Ну, это просто – по фамилии.

– Да-а? – протянула Наташа. – А мне показалось, не только.

– А вот интересно, – спросила она чуть погодя, – если бы ты не дежурил тогда?..

– Что? – не понял Хватов. – Когда?

– Ну, когда эту тетку, сегодняшнюю, ограбили. Которая на тебя показала.

– Так я и не дежурил.

– А Шмелев же...

– Ну и что? Что, эта дура кинется журнал дежурств изучать? Или свидетелей допрашивать?

– Так значит, нет у тебя алиби?

– Нет. Кроме жены никто не может подтвердить, что я всю ночь дрых и никуда не выходил.

– Так может?.. – Наташа изобразила на лице страх и отодвинулась от него к дверце.

– Ага! Догадалась? Значит, придется тебя...

Хватов убрал руку с Наташиного колена и, сунув ее за пазуху, выгасил оттуда свой табельный "Макаров", который в спешке забыл убрать в сейф.

– О-о! – протянула Наташа, принимая игру. – Дяденька, не надо. Я больше не буду! И сама все отдам. – добавила она тише, поглядев на Хватова снизу вверх.

– Открой бардачок, пожалуйста.

Они уже выехали за город. Приближался железнодорожный мост. Сразу за ним начался лесной массив.

Наташа откинулась на сиденье и прикрыла глаза. На губах ее блуждала легкая улыбка. Колено обнимала ладонь Хватова. И ладонь эта двигалась все выше, выше...

7

В любом деле, начиная от спланированного обрушения чьей-нибудь национальной валюты и до мытья полов в казарменном сортире нужен организатор. Именно от него в огромной степени зависит успех мероприятия. Это истина, не нуждающаяся в доказательствах, поскольку и без них известна каждому. Как и то, что если не все, то подавляющее большинство дееспособных граждан предпочитают быть именно организаторами. И, в большинстве своем, к сожалению, совершенно напрасно.

Стать хорошим организатором невозможно. Так же, как, к примеру, стать экстрасенсом. Им нужно родиться. Это талант. Именно поэтому далеко не всякое дело заканчивается удачно.

Именно поэтому держатся еще некоторые национальные валюты, а что до сортиров, то, наверное, любой из нас признает, что встречал таковые и с плохо помытыми полами.

Хороший организатор, вопреки распространенному заблуждению, это вовсе не тот, кто носит как угорелый, у кого непрерывно звонит телефонный аппарат и которому некогда не то, что поспать, но даже почистить зубы. Хороший организатор – это в первую очередь педагог, воспитатель кадров, дрессировщик, если хотите. У него всегда нужные люди на нужных местах. И ему достаточно просто приказать, распорядиться, попросить – и все будет сделано, будьте уверены!

Витя-Удав был никудышным организатором. А поскольку дело было поручено именно ему, то, значит, и те, кто поставил его на это место, были не лучше.

Все с самого утра шло сегодня у Вити через пень-колоду. Все валилось из рук и утекало сквозь пальцы. Самая заурядная посиделка в кафе, которое он лично крышевал, до самого последнего момента находилась под угрозой срыва. Утром там прорвало канализацию. Свой человек в СЭС был в отпуске и потому недосыгаем. В последний момент успел заглянуть в квартиру. И хорошо, что заглянул. Туда забыли завезти мебель. Ну-у, козлы! И опять пришлось выкручиваться.

Когда Витя узнал, что у машины, которая должна была забрать Шкета с Блохой после дела, полетело сцепление, он только плюнул. Хрен с ними. Пешком доберутся, никуда не денутся. Тем более, что возникла новая проблема: пропали куда-то сами Шкет и Блоха.

И только Светка не подвела. Умница девочка! А это было самое главное. Со всем остальным можно разобраться. И разбирался, ведь! В конце-концов и трубу починили, и дерьмо убрали, и СЭС заткнули, и мебель, пусть и какую попало, но привезли же!.. А что до этих двоих...

Больше всего Удав боялся, что Шкет с Блохой сейчас где-нибудь нюхают клей. Раньше это было их любимым делом. Взяв в бригаду пришлось их от этого дела отучать. И вроде бы ведь отучил: дал пару раз хорошенько, чтобы проняло и пообещал, что если узнает еще когда – на хор поставит и выкинет вон. С тех пор, кажется, перестали, но сейчас, перед тем, что им предстоит, вполне могли и снова взяться за старое. Чтобы снять стресс. Стресс-то они снимут, но окажутся ли дееспособны после этого?

Может быть надо было послать кого-нибудь поопытней? Понадежней? И люди ведь есть. Но жалко. Исполнителей потом придется убрать, и пусть лучше это будут эти никчемные сопляки, чем люди, действительно на что-то способные. А что до дела, то, если все пойдет по плану, то дело у них будет настолько простое, что даже они не смогут его запороть. Лишь бы объявились, наконец. Где их черти носят!?

Занятый решением всех этих проблем, Витя-Удав, тем ни менее, старался не упускать из виду и все, происходящее в кафе. Конечно, ничего особенного произойти там просто не могло. Все, кто находился за праздничным столом, по крайней мере вся мужская половина за исключением самого этого папенькина сынка – Славика, были его, Удава, люди. И сегодня у них была не пьянка. Сегодня у них была работа. Да и внешняя охрана работала на совесть дабы ничто не омрачило день рожденья его Светика.

Нет, в самом деле, надо же, как все удачно получилось! Тьфу-тьфу, конечно, но все же... И, главное, и день рожденья-то ведь настоящий, не фуфловый. И как здорово, что Светка с этой в одной группе учатся.

– Так, сколько там? Ого, уже десять! В принципе уже можно бы и двигать. Где же эти козлы?

Подошел Олег – вышибала, и – тихонько, на ухо:

– К вам там пришли.

Ну, наконец-то! Вот они, шестерки прыщавые. Ну что, на вид вроде не унюханные, не обкуранные. И то слава богу. Так, слегка пивом потягивает, это ничего. Ладно.

– Так, пацаны, вот адрес, – Удав протянул сложенную бумажку. – Берите тачку и дуйте туда. Тачку отпустите, подождете там где-нибудь рядом, на лавочке. Дальше – по плану. Ясно?

– Ага. Денег на тачку дай.

– Что, обнищали? Пропили все? Своих нет? Держите. – И он протянул им бумажку в пятьсот рублей. – Все. Валите. До встречи.

Честно говоря Вике давно уже надоел весь этот праздник. Все было хорошо, прилично, благопристойно даже. Никто пока не напился, никто не лез ни к кому выяснять отношения. Оркестр играл неплохо, правда все больше заезженные шлягеры. Но танцевать было можно. На Славика никто из девиц, включая и Светку, не покушался. Все были по парам, так что Славик, несколько раскрепостившийся после выпитого, беззастенчиво пользовался своим правом монополиста.

А Вике хотелось домой. Она все поглядывала по сторонам в ожидании, когда кто-нибудь начнет собираться и прощаться. Ей было неловко уходить первой. А вот второй или третьей – это ничего.

Но все сидели, как пришитые.

После очередного танца к ним подошла Света.

– Как вы тут? Не скучаете? Пойдемте на крылечко, перекурим.

– Я же не курю, ты знаешь.

– Ничего, за компанию воздухом подышишь. Там уже попрохладней стало.

Вышли. Света и Славик достали сигареты. Закурили.

– Слушайте, – сказала Света после первых затяжек, – у меня к вам предложение. Витя мне квартирку подарил на день рождения. Вот только-только, я там и сама еще можно сказать, почти и не была. Давайте съездим, посмотрим. Может, чего посоветуете. Заодно чуть-чуть и новоселье отпразднуем? А?.. Как вы? А Витя вас потом по домам развезет.

Глава 2

Среди множества условных единиц и условных понятий есть одна штука, имеющая довольно драматичное название – точка невозврата.

Тому, кто перешагнул через нее, обратной дороги нет. Отныне – только вперед, чего бы тебе это не стоило. И хорошо тому, кто эту точку видит. Он может десять раз подумать, и, может быть, он все же повернет назад. И будет жить долго и счастливо, правда так и не узнав, что же там – за точкой невозврата.

Но большинству из нас видеть ее не дано, и мы понимаем, что нечаянно заступили за черту только тогда, когда уже ничего не вернуть и не исправить. Все, захлопнулись двери, отрезано прошлое, только что казавшееся таким надежным, таким уютным настоящим. Отныне – никаких гарантий, никакой страховки. Не всякому дано вернуться из мест, лежащих по ту сторону. Да нет, никому не дано, потому что если ты и вернешься, ты не узнаешь того, что оставил и оно не признает тебя, поскольку для того, чтобы вернуться, тебе самому придется стать другим.

1

Воистину, жадность фраера сгубила. Вместе с выдоенной из второй жертвы тысячей в общем получался вполне приличный для такого промысла навар. Те, кто имеют в карманах по настоящему большие бабки проводят время в других местах. Так что вполне можно было возвращаться, но тут Макс, шедший впереди, остановился и даже зачем-то поднял руку, будто за ним ехал целый отряд.

– Стой, – сказал он, не поворачиваясь. – Кажется, еще едут.

За деревьями, точно, мелькнул свет фар. Машина заворачивала на полянку.

– Цыпа, цыпа, цыплятки... – прошептал Макс, опускаясь на корточки.

– Да может, хватит уже? – возразил Вадим. Возразил, правда, надо честно сказать, достаточно неуверенно. К чему, в самом деле, отказываться от того, что само идет в руки?

– Да ладно, ладно... Чего ты?.. Да не маячь, пригнись. – громко зашептал Макс в котором охотничий азарт пересилил даже начинающуюся ломку.

Макс же и испортил все дело. Терпения все же не хватило, да и предыдущая легкая добыча развратила его, добавив наглости и лишив чувства опасности. Так что когда, минут через десять парочка вышла из машины и мужик, усадив бабу на капот, начал, не прерывая поцелуев, расстегивать ремень на брюках, Макс, не утерпев, выскочил из укрытия и, видимо решив на сей раз сам сыграть главную роль, громко сказал, подходя к машине:

– Та-ак, уважаемые!.. Что это у нас тут происходит?

Подошедший следом Вадим встал чуть поодаль, решив дать возможность Максиму побыть первым номером. Раз уж ему так хочется. Шире дорогу молодым кадрам!

– Ну-ка, попрошу документики, гражданин! – все больше входя в роль продолжал наступление Макс. Теперь он светил фонариком прямо в лицо мужику.

Тот заслонился ладонью и сделал шаг в сторону.

Вадим поднял фотоаппарат и пару раз щелкнул вспышкой. Девушка соскочила на землю и стала тихонько подкрадываться к дверце. Макс перевел луч света на нее и заорал:

– Куда?! Стоять на месте!

– Кто такие? – спросил мужик, делая шаг вперед. И было в его голосе что-то такое, что очень не понравилось Вадиму. Вернее чего-то в нем не было.

Страх в нем не было, вот чего, понял Вадим. И это его насторожило. Похоже, тут могут возникнуть осложнения. Макс же, кажется, ничего не чувствовал.

– Милиция, – ответил он мужику. И добавил. – Ну, так как насчет документов?

– Минуточку. Из какого отделения?

Не ожидавший такой наглости Макс опешил и растерялся.

– Твое какое дело, бля? Документы давай!..

– Спокойно, гражданин. – Пришел на помощь Вадим. – Мы из двенадцатого отделения, старший оперуполномоченный Семенов. Мы тут насильника разыскиваем. Маньяка. Так что не надо дергаться и качать права. Покажите документы. И девушка тоже. Надеюсь, – добавил он, – она совершеннолетняя?

– Так, ну что ж, понятно. – Спокойно сказал мужик. – Документы... конечно... – Говоря это он тихонечко, почти незаметно глазу двигался и теперь вдруг оказался возле самого Макса. Он не повышал голоса, не делал угрожающих движений, все так же спокойно он сказал: – Сейчас. – И Макс вдруг дернулся и повалился куда-то вбок, в темноту.

Вадим застыл на мгновенье, пораженный увиденным. Фонарик упал и теперь мужик был виден смутно, силуэтом на фоне бледного ночного неба. Видно было, как он развернулся, после чего раздался его голос:

– Наташа, в машину!

Кажется, он собирался сваливать. И пусть! – подумал Вадим.

– Пусть уходит. Надеюсь с Максом все в порядке?..

Слышно было, как девушка забралась внутрь автомобиля. Этот петушок, оказавшийся на беду блюстителей нравственности, бойцовым, направился туда же. И тут из травы как раненый солдат навстречу вражескому танку поднялся и встал на нетвердые ноги Макс.

– Куда, сука?!.. – зловеще выдохнул он. В наступившей на мгновенье, как показалось Вадиму, абсолютной тишине, заглушившей даже несмолкаемый и ровный, как шум в ушах, шелест ветвей над головой, прозвучал звонкий металлический щелчок и в руке Макса бледно сверкнула узкая полоска стали.

– Все, кранты!.. – почему-то пронеслось в голове Вадима, хотя это было еще далеко не все, напротив, все еще только начиналось. Но какая-то странная апатия и усталость вдруг навалились на него, разом обездвижив.

Да и все равно, он был слишком далеко, а то, что начиналось, происходило слишком быстро, почти мгновенно. Оба – Вадим видел это каким-то обострившимся зрением, зачем-то подаренным ему на это растянувшееся мгновенье взамен способности двигать собственным телом, – оба, и Макс, и этот мужик одновременно оказались возле машины. Послышались звуки борьбы: удары, яростный хрип, металлический звук хлопнувшей дверцы, чей-то – Вадим не разобрал, чей – отчаянный мат... Слышно было, как взвизгнула девица, опять мясистый звук удара и вдруг, сквозь хриплое дыханье не очень громкий крик. Кричал этот, из машины:

– Назад, сука!.. Назад, я сказал! Убью!

И сразу вслед за этим прозвучал звук, который невозможно спутать ни с каким другим – звук выстрела. Потом еще один.

И наступила тишина.

На все том же равнодушно-сером фоне неба застыл теперь один силуэт. И этот силуэт принадлежал не Максиму. Это Вадим хорошо понимал, хотя лица не видел. Пистолета у Макса не было. И силуэт этот, постояв несколько секунд и, видимо, поозиравшись по сторонам, двинулся в сторону слабо светящегося пятна в траве: к тому месту, куда упал фонарик, оброненный Максом.

Луч света метнулся по сторонам, мельком зацепив и Вадима, застывшего в оцепенении и скрытого ветками кустарника.

– Эй, ты, второй! Выходи! Сам выходи, я тебя все равно вижу. А то застрелю.

– Врет. – Понял Вадим. – Нет уж...

Тот еще пошарил фонариком по кустам и, светя себе под ноги, направился к машине. Там уже стояла его девица. До Вадима донеслись их тихие голоса. О чем-то они переговарива-

лись, присев на корточки и разглядывая в свете фонарика то, что лежало рядом. То, что они разглядывали и было, видимо, Максом.

О чем они говорили Вадим не слышал. Похоже мужик эту девку о чем-то просил, а она не соглашалась. В голосе ее все явственнее слышались истерические нотки. Потом она вскочила, крикнула что-то неразборчивое и бросилась в темноту, прочь от машины. Мужик, крикнув: – Постой! Да постой же!.. – бросился за ней.

Конечно, он догнал ее. Догнал и привел назад. Хлопнули дверцы, взревел мотор, вспыхнули фары. Они уехали, мигнув Вадиму на прощанье задними стоп-сигналами. Вадим перевел дух и повалился на землю.

Макс был мертв. Мертв безнадежно и окончательно. С такой, разнесенной вдребезги головой уже можно не беспокоить реанимацию. То, что Вадим сделал дальше, он сделал подчиняясь не рассудку, робко спрятавшемся куда-то еще там, в кустах, а выработавшемся за два, сейчас уже почти забытых, афганских года рефлексу: раненых и убитых не бросать!

И невдомек этому рефлексу было, что нет тут поблизости медсанбата, что никто не будет укладывать в ящик и упаковывать в оцинкованное железо это свисающее с плеча Вадима тело. Не отправят его на родину. Да и есть ли эта самая родина у Макса. Была когда-то, наверное...

Куда тащил Вадим это, оказавшееся слишком легким для своего роста, тело, он и сам не знал, подгоняемый инстинктом, заставляющим зверя уходить из опасного места. Только споткнувшись в темноте о корень и чуть не грохнувшись наземь вместе со своей ношей, Вадим остановился, привалившись к теплomu, шершавому стволу какого-то дерева. Он осмотрелся, пытаясь сориентироваться. Вдали послышалось натужное завывание проезжающего грузовика. Вадим посмотрел в ту сторону, откуда донесся этот звук. Значит, там шоссе. Пустое сейчас. Только тягачи, впряженные в длинные фуры, катят по нему, максимально выжимая всю мощь своих нехилых моторов, пользуясь ночным затишьем. Сейчас их время.

– Ага!.. – сказал сам себе Вадим, и, поправив на плече не слишком тяжелую, но неудобную ношу, шагнул в ту сторону.

Он положил Макса на землю, не дойдя шагов десяти до последних деревьев, росших вдоль обочины. Макса надо было похоронить. Зачем это надо – Вадим и сам не знал. Надо...

Пусть не на кладбище. Бог простит. Но не бросать же так? А значит?.. Значит, сейчас надо тело припрятать, запомнить место и завтра, тоже ближе к вечеру, вернуться сюда, захватив с собой лопату. Не голыми же руками рыть...

Вадим, уложив Макса меж двух кустов, в ложбинку, закидал его сухими ветками и припорошил листвой, уже достаточно нападавшей на землю. Сам присел рядом, вытирая вспотевший лоб.

Попить бы сейчас. И закурить!.. Просто неудержимо захотелось сделать хоть одну затяжку. Всего лишь одну, но чтоб до самых корешков, до головокруженья. Черт!.. Так ему, кажется не хотелось курить даже тогда, в лагере, когда он решил бросить.

У Макса, вроде, были сигареты. Ну да, точно, были. Взять, что ли?.. Вот, блин!.. Ведь только что он тащил его, а сейчас сама мысль о том, что придется раскидывать всю эту кучу и ворочать безжизненное тело в поисках пачки и зажигалки... Да, ведь еще и зажигалку нужно!.. – Мысль об этом вдруг вызвала у Вадима тошноту.

Нет, ну его к черту! Обойдется. Нет!..

Он встал. Хватит, отдохнул. Пора идти. Он вышел на обочину и огляделся. Надо было запомнить место. Это оказалось далеко не так просто. Во-первых, ночь. Во-вторых, вообще никаких примет. Деревья кругом темной стеной, и больше ничего. Дорога ровная в оба конца. Так, вон валун лежит. Ага, точно!.. Ну и хорошо, попробуем запомнить: от валуна немного назад и влево. Ну, а теперь, в город. Пешком, наверное, за час дойду.

Вадим шел ровным, неторопливым шагом и думал о том, о чем обычно думают люди, только что столкнувшиеся со смертью. О бренности и мимолетности того, что принято называть жизнью; о хрупкости сосуда, в который эта самая жизнь заключена; о бессмысленности и ненужности существования – как Максова, так и своего, да и большинства людей, населяющих эту землю.

Потом он стал думать про самого Макса. Про то, что совсем, оказывается, не знал его. А теперь этот самый Макс – жалкий тип, паразит, наркоман, психопат, однако знающий, оказывается, откуда-то Бодлера и способный на отчаянный поступок, – так и останется этот Макс для него навсегда неразгаданной загадкой. Пока не забудется. А когда забудет Макса и он, Вадим, то вот тогда Макса точно уже не станет на этой земле. Потому что больше, кажется, не кому о нем помнить и вспоминать. Что он там кому должен, а кто ему – все это херня по большому счету. И никому он не нужен. Ну, может быть, этот прыщавый Гера вспомнит однажды, что что-то давно не заходит к нему Макс за очередным чеком, да тут же и забудет. И правильно: у него и без Макса клиентов хватает. А к тому, что иные из них имеют обыкновение исчезать, порою и навсегда – к этому Гера давно привык и не обращает на это внимания.

2

Квартира, вопреки Викиным ожиданиям, оказалась вовсе не в одном из новых "элитных" домов, а на втором этаже стандартной, убогой панельной пятиэтажки. Этаким привет из далеких, славных шестидесятых, когда и воздух был чище, и цели яснее, и задачи определеннее – за работу, товарищи!

Ехать пришлось долго, за автовокзал и Покровскую слободу, на правый берег реки Добрыни, в темных водах которой празднично отражались огни раскинувшейся на ее берегу нефтебазы. Вез их Виктор в своем большом, как сарай и таком же грязном "Опеле-Фронтир", после той машины, на которой они со Славиком приехали в кафе, показавшемся Вике просто какой-то колымагой. Она даже спросила Славика:

– Слушай, а где твоя машина?

– Пришлось отпустить, – грустно улыбнувшись, ответил Славик, не оставлявший попыток обнять Виду за плечи. – Она же не моя, и даже не папашина. Это машина его предвыборного штаба. Один друг дал на время из своего гаража.

Дом был действительно скверным. Двор разглядеть не удалось из-за темноты, зато подъезд выразительно щерился пустым дверным проемом. Сорванная с петель входная дверь неприкаянно стояла рядом, прислоненная к перевернутой бетонной трапедии с дыркой посредине, поддерживавшей козырек над входом. Похоже, что дом не нравился даже самому Виктору, и Вика удивилась, зачем было надо покупать квартиру в этой берлоге?

Однако, вошли, и по полутемной грязной лестнице поднялись на второй этаж. Дверь в Светкино гнездышко была покрашена голубенькой краской, но, похоже, очень давно. Ни глазка, ни номера квартиры на двери не было. Видимо, все, что успели сделать новые хозяева, это сменить замок.

Внутри, честно говоря, было ненамного лучше: две комнаты, как попало заставленные поверх вытертого линолеума разномастной мебелью, лилипутья кухонка, на пространстве которой сумели в тесноте, да не в обиду разместиться раковина, газовая плита, да колченогий шаткий столик с тремя табуретками. В туалете сильно пахло канализацией, а в ванной не было ванны.

Нет, Вике здесь решительно не понравилось и сразу вспомнилось, что уже очень поздно, и захотелось уйти. Неунывающий Славик тоже как-то скис. Виктор стоял, хмурия лоб и угрюмо глядя по сторонам. Губы его шевелились. Казалось, он подсчитывает, во что еще ему обойдутся ремонт и обстановка. Похоже, результаты не утешали.

И только Светка вопреки всему излучала энергию и весело, как и подобает новоиспеченной хозяйке своей квартиры, бегала по комнатам и теребила гостей.

– Вот сюда я ковер повешу. У меня синий такой есть. Гардины надо будет подобрать в тон. Вот этот шкаф – вон! Лучше хороший шкаф-купе, я в мебельном центре видела, самое то!.. – щебетала она, таская Вику за руку. – Ну ладно, о делах потом, сейчас откроем шампанское и по бокалу... Витя, где у нас бокалы?

Приунывший Виктор бросил свои расчеты и включился в суету: пошел шарить в поисках бокалов, а когда бокалы в нужном количестве были найдены, был отправлен на кухню за шампанским. Было слышно, как там, за стенкой хлопнула пробка и Светка побежала на кухню с криком:

– Ты что?! Зачем? Надо же было здесь открыть.

Вернувшийся с уже открытым шампанским Виктор объяснил, что, поскольку холодильника пока нет, то шампанское нагрелось. А теплое шампанское имеет обыкновение сильно стрелять. Вот он и решил, чтобы, не дай бог никого не забрызгать, открыть его там, над раковиной. Объяснение было благосклонно принято, шампанское аккуратно разлито по бокалам и в этот момент в кармане Виктора запиликал мобильник.

Разговаривать он вышел в прихожую. Потом заглянул в дверь и пальцем поманил Светлану. После непродолжительного шушуканья она вернулась в комнату сильно расстроенная и с умоляющей гримасой на лице затарахтела:

– Ой, девочки, мальчики!.. Такая неприятность!..

В общем выяснилось, что звонили сейчас из кафе, где после их отъезда веселье все еще продолжалось. И вот, видимо в результате чрезмерного потребления алкоголя, против чего уже забодалось предупреждать Министерство здравоохранения, веселье это приняло несколько предосудительный характер, в виду чего был вызван и уже прибыл наряд милиции. И вот теперь надо срочно ехать разбираться как с милицией, так и с перепившими гостями. Поэтому Виктор и Света сейчас срочненько, быстренько, со всей возможной скоростью смотаются туда. А если Виктору, что не исключено, придется там задержаться, то она, Света, хватает такси и тут же, мухой, пулей, ласточкой мчится сюда и развозит Вику и Славика по домам. Она очень-очень извиняется, она ужасно просит ее извинить и подождать тут, поскольку сами они отсюда сейчас до дому не доберутся, а брать их с собой туда тоже не стоит – на фигу им этот гемморой?..

Оглушенные этой тирадой, Вика со Славиком остались одни, ночью, в чужой квартире.

Славик пришел в себя первым. Оценил обстановку, нашел ее неожиданно благоприятной и стал действовать: включил аудиосистему, поставил какой-то диск и, отрегулировав звук до интимного мурлыканья, предложил все же выпить за новоселье, пока шампанское не выдохлось. Не пропадать же добру, да и раз налито...

Они выпили и Славик, уже который раз за этот затянувшийся вечер, пригласил Вику на танец. Здесь, в этой интимной, хоть и не слишком уютной обстановке, Славик почувствовал себя гораздо смелее. Тесно прижав Вику к себе, так что та против воли ощутила, как он возбужден, Славик, зарывшись лицом в ее густые волосы и пьянея от их запаха, шептал ей на ухо какой-то вздор, которого сам не понимал. В перерывах между фразами он целовал ее в мочку уха, иногда опускаясь ниже.

Вика пыталась отстраниться, но сила и возбуждение, исходившие от партнера, словно облучали ее, лишая не только возможности, но и желания сопротивляться. Ей было стыдно, неловко, но в то же время приятно, и от этого еще более стыдно.

Поцелуи Славика, его шепот, его возбужденное желание словно обжигали ее.

Наконец, музыка кончилась. Славик чуть ослабил хватку и, воспользовавшись этим, Вика вырвалась и села на диван.

– Жарко, – сказала она.

– Давай еще выпьем. – Славик протянул ей бокал, который уже успел, оказывается наполнить.

– Давай за тебя. За нас с тобой.

Он сел рядом и еще подвинулся, так, чтобы их тела опять соприкоснулись.

Они чокнулись. Пить Вике после этого танца и правда хотелось. Хотя теплое шампанское – это, конечно, гадость, сказала она себе. И больше она никогда-никогда пить его не будет.

Выпив, Вика поставила бокал на стол и снова откинулась на спинку дивана. Господи, как же она устала! Просто изнеможение какое-то. Нет-нет... больше никаких танцев. Просто посидим, ладно?.. Ох, опять он ей что-то шепчет. Что-то про любовь. Врет, наверное. Все они врут, – мудро подумала Вика, борясь с неодолимым желанием закрыть глаза.

Да что же это?.. ох, ерунда какая, да что же... что он делает... не надо... боже, я засыпаю, ох, как... как стыдно.

3

Удав был не прав. Шкет с Блохой давно уже не баловались клеем. Что они, малолетки, что ли? Слава богу, им уже по девятнадцать. Они теперь занимались серьезным делом и вели соответствующий образ жизни: регулярно ходили в качалку и на тренировки к сэнсэю. Ну, да, ну был один случай – один-разъединственный, и надо же было так случиться... Ну, в общем, как говорится, с кем не бывает? Но с тех пор – все!

Да и Удав прекрасно понимает, что на них можно положиться. Иначе не поручил бы им такого дела.

Блоха и Шкет сидели на скамеечке неподалеку от того подъезда, куда только что Удав провел свою Светку с этой чувырлой и ее кентом. Сидели они уже давно, но ожидание было им не в тягость. Привычное дело. В их нынешней жизни им чаще всего приходилось именно ждать: ждать подходящего момента, ждать нужного человека, ждать... да ждать, когда они понадобятся за чем-нибудь, наконец.

Сидели они уже давно, с тех пор, как, получив от Удава адрес, там, в кафешке, прикатили сюда. И давно уже сидели молча, смоля сигарету за сигаретой и сплевывая себе под ноги. А о чем говорить? Все давно переговорено. Вспоминать старые дела, как когда-то ходили за овраг махаться с пацанами из соседнего микрорайона?.. как бегали от ментов?.. или как ночевали в обезьяннике? Им, вообще-то, если подумать, есть, что вспомнить. Как бухали, как, набухавшись однажды, ходили в центр города купаться в фонтане, как, угнав по пьяни тачку, ухитрились съехать на ней в кювет и перевернуться... как тот же клей в подвале нюхали, наконец, и какие кому глюки являлись. Да мало ли!..

Можно, конечно, да сто раз уже вспоминали. Как и старых своих, прежних кентов по двору, да по школе. Кто сейчас где, кто с кем и с кем что случилось... Толстый вон, козел, крутизну из себя строит, ну, прикол!.. А сам когда-то обделался, когда тот же Шкет ему гранату за пазуху сунул. Ну, ржачка была!.. Граната, понятно, была без запала, что же, Шкет совсем отмороженный, что ли? Но этот-то не знал, ну, и... Теперь, говорят, Лариске проходу не дает. Видимо, придется все-таки до него добраться, объяснить вежливо кто есть кто, и кто есть он сам, в частности.

Но и об этом тоже уже говорено. Как киоски бомбили? Как Бармалея ходили пугать? Как Сэма выручали, когда на него чужая бригада наехала? Да все эти стрелки и махаловки давно уже стали привычной рутинной и скучной повседневностью.

Тогда о чем? О том, что предстоит вот прямо сейчас? А вот об этом, как раз говорить не хотелось. Такого им еще не поручали. И, хоть риску тут, конечно, и никакого – да на любой стрелке его в десять раз больше, – а как-то противно, что ли. С непривычки, наверное. Так что об этом гундеть? Сделать, да свалить. Там делов-то на минуту. А потом, конечно, вмазать как следует. А завтра Удав побашляет...

И все!.. И не о чем тут говорить.

Наконец Удав со Светкой вышли из подъезда. Удав посадил Светку в машину, а сам подошел к ним. Сказал, протягивая ключи:

– Ну, все, пацаны. Значит, все, как договаривались. Через двадцать минут можно будет... Но на всякий случай позвоните в звонок. Коротенько так. Сильно не надо, а то еще разбудите. А если вдруг не уснут, то услышат. Ну, тогда что? – ошиблись адресом, и где-то через час-полтора вторую попытку. Вопросы есть? – он помолчал, пытливо вглядываясь в лица парней. Лица не выражали ничего, кроме готовности. Удовлетворившись осмотром, Удав закончил вводную: – Вопросов нет. Да!.. вот еще: уходя дверь не запирайте. Ключи бросьте там. Перчатки с собой? Отлично. Без них к двери не подходите даже, ясно? Обрато своим ходом. Вот вам еще денег на дорогу. И, значит, как договаривались, выйдете и сразу же отзвонитесь мне, ну, а завтра – в контору.

Удав уехал. Блоха посмотрел на часы.

– Так, ну что?.. через двадцать минут? Давай-ка пока еще по одной.

Они закурили. Время пошло.

Точно в условленную минуту они молча встали и вошли в подъезд, воняющий кошачьей мочой. Так. Теперь – наверх. Один за другим, неслышно ступая мягкими подошвами кроссовок по бетонным ступеням, они неторопливо поднялись на пятый этаж. Никого на лестнице. Все двери закрыты. Тишина.

По приставной железной лестнице-стремянке, ведущей с площадки пятого этажа к люку на крышу, Блоха поднялся вверх и осмотрел замок. Замок был большой, надежный, внушающий доверие. Замок запирает щеколду, на которую, в свою очередь был заперт люк. Щеколда была основательно прикручена крупными шурупами. Блоха достал из кармана нож и, с тихим щелчком раскрыв его, лезвием поддел головку одного из шурупов. Шуруп подался. Блоха пальцами потянул за головку и вытянул весь шуруп, который, однако, не упал, а остался висеть на ниточке. Потом за эту ниточку его можно будет втянуть обратно, восстановив таким образом весь запор с другой стороны.

Это был страховочный вариант отхода. Так, на всякий случай, если что-то помешает уйти через подъезд. Ну, там, вдруг нарисуеться какая-нибудь компания внизу, всякое ведь бывает...

Так, вот она, эта дверь. Блоха осторожно, словно боясь обжечься, прикоснулся пальцем к кнопке звонка. Внутри громко звякнуло. Шкет, стоящий перед самой дверью, набычился и втянул голову в плечи. То, что они должны сделать, предстоит сделать ему. Значит, ему идти первому. Значит, он главный.

Этот вопрос они решили еще там, на лавочке. Просто кинули монетку. Угадал Шкет. Блоха, с внутренним облегчением получив роль второго номера, взял на себя функции инструктора:

– Ты только куда попало-то не бей, – учил он Шкета, – не хер там бойню-то устраивать. Ты вот так аккуратненько острие под левую сиську приставь, да с размаху не бей, а то как раз в ребро попадешь, а так, знаешь... толкани его просто туда. Он по ребру-то тогда сам и скользнет.

– Да ладно тебе, учить будет!.. – отмахнулся от непрошеного советчика Шкет. – Сумею как-нибудь. Я свинью резал. Ты свинью резал когда-нибудь? Нет? Ну и молчи тогда.

На звонок никто не отозвался. Шкет тихонько толкнул дверь и она неслышно подалась. Ну вот... – пронеслось в голове у Блохи, – сейчас!.. – и по коже спины волной прошли неожиданные мурашки. Ладони вспотели – то ли от волнения, то ли им просто жарко было в кожаных перчатках.

Вот они. Лежат, голубки. Она, ближе к спинке, с задранными чуть не до груди платьем, но однако же в трусиках, и этот бугай рядышком, обняв ее, с расстегнутыми и приспущенными брюками.

Сморило, ну надо же...

Шкет, подойдя ближе, встал над ними, расставив ноги и поигрывая ножом. И чего-то медлил.

– Ты чего? – шепотом спросил Блоха. – Давай уж побыстрее.

Сделав знак приятелю, чтобы тот заткнулся, Шкет, опершись правой рукой с зажатым в ней ножом на спинку дивана, нагнулся ниже, рассматривая лежащих в упор или, может, прислушиваясь к их дыханию.

Блоха подошел на пару шагов ближе. Подходить совсем близко его не тянуло. Ему хотелось уйти отсюда как можно скорее. Еще больше ему хотелось, чтобы то, что сейчас произойдет, уже бы произошло. Вчера, скажем, а лучше позавчера. А еще лучше, чтобы оно вообще никогда не происходило. По крайней мере у него на глазах.

– Как думаешь, трахнул он ее? – спросил Шкет.

– Да нет, не похоже. Уснул раньше.

– Ага... Я вот чего думаю... А чего добру пропадать, а? Он не успел, а мы попользуемся. Ей уже все равно, а он утром ничего помнить не будет. Подумает, что это он ее и оприходовал. Все равно же хотел, – он выпрямился и, прищутив глаза, в упор глянул на Блоху. – Так, подожди, я сейчас.

И быстро вышел из комнаты.

Блоха получил свое погоняло не за маленький рост и не за хилость. Просто фамилия у него была Блохин и кличка эта прилипла к нему чуть ли не с детского сада. На самом деле он был крупный и жилистый, и в качалке выжимал веса не меньше, чем тот же Шкет. И все-таки он всегда немножко робел перед ним. Когда им случалось бороться, Блохе часто удавалось положить приятеля на лопатки. Часто, но далеко не всегда. Иногда в том "просьпался псих" и тогда с ним лучше было не связываться. И Блоха это чувствовал. Чувствовал всегда. Шкет позволял ему быть с ним на равных, но только до тех пор, пока сжимал в себе эту словно бы стальную пружину. Когда же она начинала распрямляться...

– Иди-ка сюда, – позвал его, появившись в дверном проеме, Шкет, – глянь-ка...

Они вошли в соседнюю комнату, служившую, видимо, спальней.

– Гля, какая кровать шикарная. Сейчас мы с тобой ее тихонько сюда перетащим...

– Э, ты чего?!. Кончай! Нам уходить надо.

– Да ладно тебе. Все успеем, не бойсь. До утра еще знаешь, сколько?

– А если она проснется?

– Да рот зажем, и все дела. Да она у нас быстро отмучается.

– А этот?..

– А этот будет дрыхнуть до утра, как миленький. Удав им в шампанское клофелину наметил. А после клофелину, мне Верка рассказывала... Да ладно, короче, не ссы. Что ты как маленький.

И они пошли назад, в ту, большую комнату.

Славик боролся до конца. И, даже уже будучи поверженным, он и во сне продолжал рваться на волю из опутавших его сладких, липких тенет. Он утонул, но не пошел на дно, оставаясь хоть и по ту сторону границы между тьмой и светом, но все же где-то возле нее, там, куда еще проникают слабые, рассеянные лучи.

И когда эта жидкая стена перед ним заколыхалась, когда что-то, придя извне, нарушило этот тягучий монолит, Славик рывком выбрался из засосавшей его трясины и оказался по эту сторону, не в силах пока ни пошевелиться, ни открыть глаза.

Память, однако, возвращалась. Вместе с ней приходил стыд. Господи, чего же он наделал, кажется? И как же ему теперь быть? Ну, козел!.. Ну, просто натуральный козел! И уснул вдобавок, как последний... как последний... Как просто не знаю кто!

Ну и что же теперь, дальше-то?.. Где она? Ушла? Убежала? Одна, ночью... Во всяком случае рядом ее не было. Он все-таки сумел, наконец, открыть глаза. Нет, нету. Усилим воли он заставил себя приподняться на локтях. Увидел спущенные до колен брюки и со стоном снова откинулся назад. Ох, какой стыд!

Но, что это?.. Нет, кажется не ушла. Откуда-то доносились негромкие и неотчетливые звуки. Кто-то ходил, кажется. Боже мой!.. Боже мой!.. Значит, еще не поздно. Значит, еще все можно исправить! Сейчас... Ох, как, оказывается, кружится голова!.. И сил нет. Сейчас, сейчас... надо одеться.

Сейчас... Славик встал с дивана, чуть не упав при этом. Устоял все-таки. Подтянул свалившиеся штаны. При этом он то и дело встряхивал головой, отгоняя наплывавшую дурноту. И, наконец, тяжело вздохнув, отправился, преодолевая сопротивление ставшего таким неустойчивым пространства... отправился к двери, туда, где, кажется, была Вика.

Он выбрался в темный коридорчик-прихожую, и, увидев свет, пробивавшийся из-за полуприкрытой двери соседней комнаты, тихонько направился туда, держась рукой за стену.

То, что он увидел, в первое мгновение оглушило его. Кровь отлила от головы и он чуть не грохнулся без чувств. Но это продолжалось лишь миг. В следующий миг его словно накрыло возвратной жаркой волной. В голове прояснилось и вместе с живительной яростью в тело хлынули силы. Он уже не боялся споткнуться, он уже ничего не боялся и ни о чем не думал. Он бросился вперед...

Шкет действовал быстро и целеустремленно. Он уже успел разуться и снять штаны и теперь, сдержанно сопя, забирался в кровать. Блоха стоял у изголовья с подушкой в руках и внимательно следил за Викиным лицом, готовясь действовать, если она вдруг проснется. Никто не ожидал нападения сзади.

Тяжелый удар отбросил Блоху к стене, где он оказался зажат между шкафом и кроватью, когда же он наконец встал, то увидел по ту сторону обширного ложа клубок тел, с натужными хрипами в злобной судороге ломающих друг друга. Блоха бросился туда, но почему-то не по кратчайшему пути – прямо через кровать, где в безучастной отключке продолжала лежать эта девка, а вокруг, теряя драгоценные мгновенья. И, конечно, опоздал. Этот некстати пробудившийся бугай локтем из-за спины зажал таки Шкету горло и теперь душил его, передавливая гортань. Шкет хрипел и бился как большая пойманная рыба. Одной рукой он пытался ослабить хватку, другой судорожно шарил вокруг.

И он нашел! Вернее, это рука сама, сама, ведомая инстинктом и жаждой жизни агонизирующего тела, сама все сделала – нащупала, наконец, упавший нож, мертво сжала в кулаке его рифленую рукоятку и наотмашь, со всей силы – туда, назад, за спину!.. И еще!.. И еще!

Пока другая, чужая рука не ослабила, наконец, хватку и пока в легкие не потек, обжигая горло и бронхи, первый, самый сладкий глоток воздуха.

Шкет, наконец, вернулся из ванной, отдуваясь и вытираясь чужим полотенцем. Ну, вот, еще и это, устало отметил про себя Блоха. Хотя после всего, что произошло, это была совсем уж мелкая мелочь, не достойная внимания. Размеры произошедшей катастрофы Блоха ощущал, но еще не осознавал. Что уж говорить про Шкета, еще не отошедшего от всего, что с ним – С НИМ, случилось.

Шкет стоял в мокрой, облепившей тело рубашке – он застирывал кровь, и приглаживал мокрые вихры, обеспокоенно вертя головой, видимо в поисках зеркала. Горло у него все еще болело. Он то и дело дотрагивался до него рукой.

Блоха взглянул на спящую Вику, перевел взгляд на Славика, горой освежеванного мяса лежащего у кровати и, наконец, взглянул на Шкета. Шкет стоял, глядя прямо перед собой и покачиваясь с пятки на носок. Взгляд его был пуст и рассеян. Пружина, та страшная стальная пружина, скрученная в душе Шкета, только что распрямилась, посеяв вокруг себя смерть и разрушения, и теперь Шкет был как заводная игрушка с кончившимся заводом.

Блоха понял, что пора принимать командование на себя.

– Ну, и что дальше? – задал он риторический вопрос.

– Что-что?.. Ясно, что. Доделаем дело и уходим.

– Какое дело?

– Как это какое? Ты что, с пупа съехал? Вот эту сейчас кончим и пойдем.

– Нет.

– Что, нет?

– Нет, – тихо повторил Блоха. – Этого мы делать не будем.

– Почему это? Какого ты вообще?..

– Подожди.

Блоха подошел к приятелю и, глядя ему в глаза, властно произнес:

– Смотри сюда. Сейчас сам поймешь. Мы сюда зачем пришли?

– Ну, – отозвался Шкет, – ясно, зачем. Чтобы эту дуру кончить.

– Правильно. А зачем?

– Откуда я знаю. Мне не докладывали.

– Ага. Мне тоже. Но догадаться-то можно?.. Ты вот этого знаешь? – он кивком указал на Славика.

– Нет.

– А я знаю. Это сын Ордынцева. Это мне Толян еще там, в кафешке сказал. Ты Ордынцева знаешь?

Шкет молча покрутил головой. Не знал он никакого Ордынцева, в гробу он их всех видал. Его начинало потихоньку колбасить, и он хотел только одного – поскорее свалить отсюда и нажраться, ох и нажраться!.. До зеленых соплей, до поросычьего визга... Чтобы руки, наконец, перестали трястись и чтобы забыть обо всем этом. Какой там еще Ордынцев? И какого хрена Блохе от него, Шкета, надо? И какого хрена он вообще лезет, куда его не звали?..

А Блоха продолжал:

– А не знаешь, слушай! И постарайся понять. Ты знаешь, что Папа свою кандидатуру в губернаторы выставил? Про выборы слышал?

– Ну, знаю.

– Так вот, его главный соперник – этот самый Ордынцев. Понял?

– Ну, допустим. – Шкет тряхнул головой, чтобы взбодриться и внимательно посмотрел на приятеля. Что-то тот затевает, умник...

– А эта телка тут вообще не при делах. Ее надо было грохнуть только за тем, чтобы на этого подумали, – он кивнул в сторону Славика. – Тогда что получилось бы? Ордынцев этот – отец убийцы. Понял? Кто за такого голосовать станет?.. Так?

– Ну... – пожал плечами Шкет. Но Блоха видел, что ему уже не все равно, что какие-то мысли уже начали просачиваться ему в голову. Он продолжил:

– Ну вот. А мы что сделали? – сказав МЫ, Блоха благородно согласился разделить с другом бремя ответственности. Хотя, честно говоря, кто там будет разбираться... Это он понимал тоже. – Он теперь не убийца. Он теперь жертва. И отец его, Ордынцев, тоже. Мы сейчас знаешь какую подлянку Папе сделали? И что с нами теперь сделают? Вот так же валяться будем.

Кажется, до Шкета начало доходить. Блоха видел это, и он знал, что его приятель совсем не дурак. Нет, ему просто надо дать время оправиться от шока и он все поймет. Да и уже понимает.

Шкет провел влажным рукавом по лбу, внезапно покрывшемуся липкой испариной.

– Так чего нам теперь?.. Что, вилы?!

– В общем, да. Удав нас с говном съест. Придется когти рвать. А тут еще из-за этого...

– Блоха снова кивнул на Славика. – Сын самого Ордынцева! Да тут не только милицию, тут танковые войска по боевой тревоге подымут. А вот если мы ее не тронем, ее тут утречком найдут. А мы ей ножик в пальчики... и, короче, всем сразу будет ясно, что это она его завалила, а?.. Ну, он полез на нее, предположим, да?.. а она его ножичком. А она видишь как отрубилась? Она и утром ничего помнить не будет. Вот и все. И никакой тревоги. И нас никто не ищет. Ну, кроме Удава, конечно.

4

Случалось ли вам, может быть с глубокого перепоя, проснуться чуть раньше, чем проснулся ваш разум? Ваше родное и привычное, как домашние тапочки, эго?

Окружающий мир видится в этот миг человеку чужим и совершенно незнакомым. Предметы, лишённые названий и смысла, предстают в своем истинном, первозданном виде и выглядят совсем не такими, какими мы привыкли их воспринимать через защитное стекло здравого смысла и привычных ассоциаций. Они выглядят резче, обнаженней и даже агрессивней. Они могут и напугать.

В такой именно мир попала в первые мгновенья своего пробуждения Вика.

В испуге она снова прикрыла глаза, отгородившись таким образом от хаоса сорвавшихся со своих привычных мест вещей и предметов, превратившихся в головоломную геометрическую задачу, не имеющую ответа.

И там, в мерцающей тьме, она дождалась, когда память и понимание вновь вернулись к ней. Тогда она снова открыла глаза и огляделась.

Первое, что она поняла, это то, что она лежит практически голая, с платьем, задранном почти до самого подбородка, и лежит совсем не там, где, как она помнила, сон сморил ее. Лежит на большой кровати под белым потолком, освещаемым голой, не очень яркой лампочкой. И в правой руке у нее что-то есть. Что-то она держит в сжатом кулаке. Подняв руку она увидела нож.

Нож был именно такой, какой рисуют в книжках про бандитов. Большой, с выемками для пальцев на рукоятке и хищным лезвием, запачканным чем-то, напоминающем ржавчину... или кровь.

Вика испуганно отбросила этот страшный предмет и приподнялась, поправляя платье и ища взглядом трусики. О том, почему она оказалась без них, она старалась пока не думать. Думать вообще ни о чем не хотелось. Ей и без того было плохо. Кружилась голова, слабость и тошнота были такими, что Вика боялась, что ее сейчас вырвет. Господи, только бы не здесь, не на кровать. Надо было идти в туалет, но сперва найти трусы. Боже!.. Как стыдно, сейчас кто-нибудь войдет.

И тут она услышала тишину вокруг себя. И поняла, что нет, кажется никто не войдет. И от этого ей почему-то стало жутко.

На кровати их не было. С трудом, пересилив себя, она переползла на правый край кровати и опустила голову. Они могли быть там, на полу. Но там их тоже не было. Тогда с другой стороны.

В первую секунду она ничего не поняла. Просто ничего не поняла. Вот это вот, грудой тряпья лежащее в красной луже...

И тут ее, наконец, буквально вывернуло наизнанку.

В полном изнеможении она лежала навзничь все на той же кровати, чувствуя струйки пота, ползущие по всему телу. Они были холодными, эти струйки. И не было ни сил, ни мыслей. Она не потеряла сознания, его просто не было.

Но надолго уйти в спасительное беспмятство Вике не удалось. Мысли возвращались. Гудящим хаосом, обезумевшей в панике толпой они носились в ее голове. Ничего было невозможно ни понять, ни решить, ни сообразить, ни придумать.

Наконец она почувствовала, что может встать. Она переползла на правый край и медленно, как выздоравливающий тяжелый больной, сперва спустила ноги на пол, коснулась подошвами пола, ощутив его прохладу и, помогая себе руками, встала. Мир вокруг качнулся, но не сумел уронить ее. Она удержалась.

Все, что Вика делала дальше, она делала, как говорится "на автопилоте": надела найденные в конце концов трусы; долго искала и, наконец, нашла в той, большой комнате туфли, одела их и, потушив зачем-то везде свет, вышла на лестничную площадку. Ее несколько не удивило то обстоятельство, что дверь была открыта, она просто не обратила на это внимания.

На улице ей стало полегче. Прохладный ночной воздух несколько отрезвил ее и привел в чувство достаточно, чтобы она смогла идти. И она пошла.

Она шла, как летит перелетная птица, ведомая своим таинственным внутренним компасом. Она шла не задумываясь и не глядя по сторонам. Иногда вспышками мелькали в поле зрения какие-то знакомые места: вот филармония, вот мост, вот уже Дом пионеров... И снова исчезало все вокруг. Идти бы так, идти и идти...

И чтобы не прийти никуда. И чтобы никого никогда больше не было. Чтобы не говорить ни с кем, не вспоминать ни о чем, не думать... Просто идти в темноте, невидимой, никому не нужной. Господи, какое счастье было бы знать, что завтрашнего дня никогда не будет!..

Внезапно она обнаружила, что стоит возле своего дома, возле железной двери своего подъезда. Невидимая путеводная нить привела ее к тому единственному месту, где ее ждали и где она могла спрятаться, зарыться головой в подушку и, наконец, тихо уснуть, изойдя слезами.

Сейчас она откроет ключом эту дверь...

Ключом... ключом... где же ключ? В сумочке. А где?..

И Вика вновь почувствовала холодную испарину на теле. Ключ в сумочке, а сумочки... а сумочки нет. И значит она осталась там, в этой проклятой Светкиной квартире. А там, в сумочке...

А там, в сумочке, были не только ключи. Там лежал и ее паспорт. А это значит...

Вика, разом снова обессилев, села на скамейку у подъезда и опустила голову на руки. Это значит, что завтра утром за ней сюда придут. И что бы она ни говорила... Господи, но ведь это же не она?!

А кто тогда? Как она оказалась без трусов на кровати в той комнате? Славик?.. Возможно. И что, она не смогла воспротивиться тому, что он отнес ее туда, раздел... а потом вдруг проснулась, взяла где-то этот ужасный нож, искромсала им Славика, а потом... потом снова заснула, как убитая, даже не выпустив нож из руки?

Может быть, в нее вселился какой-то злой, неистовый дух как в каком-нибудь романе Стивена Кинга? Да нет, чепуха, при чем здесь дух? Это ведь не роман, это все на самом деле.

И почему Светка так и не пришла? А может, и с ней что-то случилось? Может это ее или ее Виктора хотели убить? Да, скорее всего это именно так. Этот Виктор... Вика не представляла себе, кто он такой и чем занимается, но очень похоже было, что он как-то связан с криминальным миром. А впрочем, кто сейчас не связан? Но, действительно, Славика могли резать по ошибке, приняв его за Виктора.

А Светка? Может быть ее подкараулили на улице, как раз, когда она возвращалась? А почему ее, Вику, не тронули? Наверное специально, чтобы подумали будто она убила Славика. И нож ей в руку вложили. Самой-то ей просто неоткуда было взять этот нож. Конечно, если бы он лежал где-нибудь на виду неподалеку и она его видела до этого, она могла бы вспомнить

про него и схватить, но ведь все дело-то в том, что она его никогда... никогда-никогда раньше не видела. Нет, точно, она бы запомнила.

А почему они решили, что она не проснется до тех самых пор, пока Славика найдут? Да ведь и правда, она так крепко спала, что ничего не слышала. Или слышала?.. Иногда ей кажется, что вроде что-то там, сквозь сон...

Да и почему вдруг вообще такой сон? Никогда в жизни раньше с ней такого не было. Она устала, конечно, и выпила, да... но не настолько же она устала и не так напилась, чтобы вот так...

Уснула, как умерла. И все. И ничего больше не помнит. Снотворное? Вика никогда раньше не принимала снотворного, обходилась как-то. Да и вообще, сон у нее всегда был здоровый, крепкий. Ну, в крайнем случае, можно книжку почитать. Снотворное?.. Но кто?.. и зачем?

Все эти сумбурные мысли, все эти вопросы без ответов промелькнули в Викиной голове и были вытеснены одним, но главным сейчас, вопросом, ответа на который Вика тоже не знала.

Что же сейчас делать?

Пойти в милицию? Но ей там не поверят. В лучшем случае предложат всех устраивающий вариант: Славик на нее напал, хотел изнасиловать и она, защищаясь...

Хотя вряд ли такой вариант пройдет. Уж больно сильно изрезан Славик. Вика вспомнила его изуродованное, окровавленное тело и снова непроизвольно вздрогнула. Так не защищаются. Это как же надо озвереть, чтобы вот так бить и бить ножом уже мертвое, наверное, тело?

Да, ножом, а на ноже ее, Викины, отпечатки. Да что там, отпечатки, паспорт ее там. Все, больше ничего не надо. Если бы не было паспорта и ножа с ее отпечатками, то пусть даже Светка (если она жива, конечно), пусть даже она расскажет, как они с Виктором привезли их туда и оставили там вдвоем. Это еще не доказательство. Она, Вика, всегда может соврать, что поссорилась со Славиком и убежала от него одна домой. И что уж там было после нее – этого она знать не может. Возможно, возможно это и не слишком убедительно, но она ведь и не должна доказывать свою невиновность, а вот пусть попробуют тогда доказать, что это она... Славика...

И тут вдруг ей стало так стыдно, так мучительно стыдно того, что вот она тут сидит и трезво, как последняя стерва, просчитывает варианты того, как и каким образом ей отмазаться от убийства, а Славик... А ведь он, кажется, и правда любил ее. Да и она когда-то. И это показалось ей таким подлым, таким постыдным предательством, что она разрыдалась.

– Ну все, все, хватит! – сказала она через минуту, взяв себя в руки. – Все-таки надо что-то решать.

Да, легко сказать: решать. Но что?.. В общем, если отбросить эмоции, то вариантов два: либо она как-то добывает свою сумочку до приезда милиции, либо завтра уже она будет обвиняемой в убийстве.

И как же ее достать? Снова мчаться через весь город в эту квартиру? Успеет ли? И, главное, сможет ли снова войти туда? Туда, к Славику... И вдруг она вспомнила запах. Запах крови, который она, казалось, и не чувствовала тогда. А вот нет же, чувствовала, оказывается, и даже запомнила. И от этого запаха ее снова замутило. Почти как тогда, на кровати, когда она только очнулась.

Она не сможет туда войти. Даже просто войти, не говоря уж о том, чтобы хладнокровно разыскивать там свою сумочку, уничтожать улики... Нет, это не возможно!

Тогда как?.. Если не она... кто тогда? Сказать родителям? Нет уж!.. Просто тогда у отца случится сердечный приступ, у матери истерика, придется вызывать скорую... Нет, это не годится. Ни в коем случае.

Но тогда кто?..

И тут она вспомнила...

5

Естественно, никого убивать Хватов не хотел. Этот дурак сам подлез под пулю. Пьяный был, что ли? Хотя от него, вроде, не пахло. Может обкуренный, в темноте не разглядишь. И потом, у него был нож. И не просто для запугивания. Он им бил по настоящему. И если бы капитан не прикрылся дверцей – вон на ней какая отметина осталась! – ему бы самому лежать там.

Так-то оно так, да все не так просто. И самый главный вопрос: что, собственно, он, капитан Хватов, делал там в этот поздний час? Грибы собирал?

Ох, как ни к чему ему были бы все эти разбирательства. А если выплывет, что он тут с Наташкой, сучкой этой, был? Вот ведь, стерва! Ну не даром все-таки говорят, что от баб все беды. Тут ведь даже не в том беда, что Суслик прознает про его шалости с этой его новоявленной пассией, черт с ним, с Сусликом, любить он его, капитана Хватова все равно не любит, да и не нужна Хватову эта суслиная любовь. Пенсионный возраст он уже перешагнул, а в пятьдесят его так и так попрут. И все равно, стало быть, уже нечего ждать милостей от природы, а давно пора искать приложение своим силам где-нибудь в другом месте. Пока есть еще предложения.

Тут хуже, если Оля, жена, узнает. А ведь узнает, если скандал начнется. А Олю свою Хватов любил, несмотря на возраст и случавшиеся иногда увлечения. Кто у него еще в этой жизни остался? Родителей давно нет. Сыновья выросли и разъехались, один в Питере, другой в Москве. И если Ольга уйдет от него – а она это может, то, Хватов знал точно, останется ему только одно: махнуть на все рукой и утонуть в водке, как это сделал не один уже из его прежних друзей и знакомых. И так же, как и они, растворится он, разойдется в придонной мути без остатка, и памяти от него на этой земле не останется.

Ну, в общем, капитан милиции Аркадий Хватов должен был, конечно, вызвать наряд милиции и потом сам в качестве подозреваемого предстать перед следователем. Закон, мол, суров, но... и так далее. Со всеми остановками. По полной программе. И разумеется, капитан Хватов – защитник сырых и обиженных, слуга закона, – так бы и сделал. Но сейчас на его месте был Хват, старый, прожженный опер, по старости лет переведенный на бумажную следственную работу. И Хват валять такого дурака не собирался.

Еще тогда, когда он, имея намерение отпугнуть неожиданно взбесившегося вымогателя, сам того не желая прострелил ему его беговую голову, еще тогда, запаленно дыша после короткой яростной схватки и слыша в ушах эхо собственных выстрелов, сидя на корточках перед горячим еще трупом Хват понял, что надо делать.

И сделал бы, если бы не эта...

Тоже мне, еще в милиции хочет работать. Вон, пусть в юрисконсульты идет. А тут, в ментуре, про нервы и брезгливость нужно забыть. Ишь как запричитала-закудахтала сразу, стоило Хвату объяснить ей, что он собирается делать: я, мол, не могу!.. Ах, что вы, мол, что вы!.. Женатых мужиков соблазнять – это она пожалуйста. Тут она не брезгливая... А посидеть в одной машине с трупом – этого она, понимаете ли, не может.

Так ворчал про себя Хват, опять, на сей раз уже совсем в темноте, подъезжая все к тому же железнодорожному мосту, за которым начинался лес.

Наташу он отвез домой и, высаживая ее у подъезда в который уже раз строгим тоном сказал:

- Ничего не было! Ничего. Я тебя подвез сначала в магазин – какой?
- "Уют", – повторила тоном послушной школьницы Наташа.
- Так. А что ты там смотрела?
- Торшер хотела купить.
- Купила?
- Нет, ничего не понравилось.
- Потом?

– Потом? Потом мы... э-э.. заехали в трикотажный на углу Белинского и Семеновской.
– Потом?
– Потом у вас колесо спустило.
– Отлично, – одобрил Хват. – Главное, потом не напутай. На противоречиях в показаниях чаще всего и ловятся. Хотя, – добавил он, – я думаю, никто ни меня, ни тебя никогда ни о чем не спросит.

И вот, чтобы это было действительно так, он и ехал теперь, полночь, на место происшествия.

План был простой и логичный: найти труп, забрать его в машину, привязать к нему запаску и, выехав на мост километрах в трех отсюда, сбросить труп с моста в реку.

Избавиться от тела было необходимо. Иначе его найдут, найдут непременно и очень скоро – слишком близко оно от шоссе и от города. А найдут тело, значит найдут и гильзы. А стрелял-то он, Хват, из своего табельного. Так что оружие и его владельца вычислят в два счета. Гильзы-то он сейчас, конечно, не найдет, да и не надо. Не будет трупа – никто ничего и искать не будет. Там, правда, был еще кто-то второй, но опыт подсказывал Хвату, что с заявлением он никуда не пойдет. Такие не заявляют.

Самое сложное было найти то самое место. Наступившая ночь преобразила пейзаж. Стена леса слева, стена справа.

Тьма, тьма, тьма была вокруг. Свет фар, освещая дорогу впереди, мешал увидеть что-нибудь вокруг, свернув, скукожив весь мир до размеров ярко освещенного пятна.

Тьма... Вот же сволочной дуализм! Вот же проклятая двойственность вещей... Закон палки, которая о двух концах. Тьма эта нужна была Хвату, чтобы сделать задуманное, и она же мешала ему, не давая найти то самое место.

Он ехал медленно, медленнее, чем тогда. Может быть, если бы он ехал с той же скоростью, он бы по времени мог вспомнить, когда пора будет сворачивать в лес. Но, с другой стороны, если ехать быстрее, то, пожалуй и проскочишь, не заметив. Опять эта долбанная диалектика: с одной стороны, с другой стороны...

Ага!.. Вот, кажется... Если и не то, то что-то похожее. Канавка вдоль обочины здесь вроде как прерывается, съезд и дальше, похоже, колея. Хват затормозил и вылез из машины, держа в руке фонарик – свой скромный трофей, свидетельство его Пирровой победы.

Все! Больше не было никаких сомнений. Место было то. Он узнал его! Вот тут стояла машина, вот за этим кустом, надежно спрятавшим их от недалекого шоссе. Вот здесь, сидя в машине, они целовались демонстрируя опытность старого ловеласа и прожженной шлюхи. Тут он свободной рукой ласкал ее юное тело, пока не ощутил под пальцами клейкую влагу и не понял, что она готова...

Так, ладно, отставить лирику! Тем более, что ничего и не было, да ничего больше и не будет. Пальцем он ее больше не тронет, да и она вряд ли захочет продолжить начатое здесь. Значит, так: машина стояла носом сюда. Вот тут еще примято, значит все правильно. Вот тут, справа, должно быть тело.

Луч фонарика шарил по траве, листьям, веткам и прочему мусору, высвечивая корни и стволы деревьев. Тени были черны и казались провалами. Тела нигде не было.

В детстве, помнилось Хвату, они пели такую дурацкую песенку: "На вокзале, в темном зале, нашли труп без головы. Пока голову искали – ноги встали и ушли...". Ноги встали и ушли. Забавно... Он еще раз, сидя на корточках, осветил фонариком место, где должен был лежать труп. Да нет, все правильно!.. Вот кровь. Если хорошенько поискать, то, наверное и гильзы найти можно. Только он не будет их искать. Зачем, когда трупа нет? А может, его и

не было? Может быть?.. Да нет же, что он, Хват, мальчик, что ли? Что, он трупов не видел? Живое тело от мертвого отличить не сможет?

Нет, тут ошибки не было. Убил он этого хмыря. Наповал и сразу. Повезло человеку, не мучился. Ага, а потом полежал немного, встал и пошел себе...

Второй, второй!.. Единственный вариант, а кто еще? Нашел бы кто-то посторонний, тут бы куча народу толклась, уж он-то знает. Значит только второй. Вопрос – зачем? И – куда? К сожалению, он, Хват, не следопыт. Не Чингачгук, не Дерсу Узала, хотя и они, пожалуй, сейчас ничего не смогли бы сделать. Только днем. Но дня дожидаться Хват не мог. Днем уже будет поздно. Сейчас или никогда.

И причем, похоже, именно – никогда!

Глава 3

1

Хотите – верьте, хотите – нет, но в сонме ангелов небесных, любящих потусоваться на кончике иглы, имеется и подразделение ангелов-хранителей. Бряд ли попадают туда по благу, слишком уж нелегкая это работа – возиться с нами, грешными и неразумными, вытаскивая нас из передряг и приключений. Может быть даже, это что-то вроде ихнего дисциплинарного батальона, куда посылают проштрафившихся и согрешивших – исправления ради, воспитания и назидания прочим.

Ну и, естественно, как и во всяком дисбате, контингент там подбирается специфический. Разный там, мягко выражаясь, народ. Есть случайно оступившиеся честные трудяги, а есть и прожженные филоны, сачки и очковтиратели – это уж кому как повезет.

Викиной семье со своим ангелом-хранителем повезло. Ведь вот уже восемь лет прошло, а Лариса Андреевна и Анатолий Иванович все еще нет-нет, да вспомнят, как тогда чудом, ну просто чудом их Мариночка не выскочила за этого уголовника. Ну, тогда-то, конечно, переживали, и Лариса Андреевна вместе с дочерью плакала, когда всего за пять дней до регистрации и свадьбы – а ведь уже и гости были приглашены, и помещение заказано с официантами и музыкой, не говоря уж о свадебном платье и прочих мелочах, – так как же было не переживать, если буквально накануне столь торжественного события жениха сажают в кутузку! Да не за кражонку какую-нибудь, тьфу ты, Господи!.. Не за подтирку документов, каковые казусы порой случаются и в приличных семьях, а за самое настоящее убийство!

Ну, потом-то, конечно, разобрались. Особенно, когда с Александром Моисеевичем прояснилось. То есть поначалу тоже не сразу все было ясно, и ох, сколько, если вспомнить, Мариночке от папы с мамой пришлось всякого выслушать по поводу этого ее романа с женатым мужчиной, да еще настолько старшим ее по возрасту. Но ведь вот, воистину, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. И обернулась та, восьмилетней давности, потеря прекрасным крепким браком, своим домом в Цюрихе, двумя замечательными дочурками трех и пяти лет и, в ближайшей перспективе, переездом самих Ларисы Андреевны и Анатолия Ивановича туда, на тучные швейцарские хлеба, на постоянное место жительства.

А не случись тогда этой, как тогда казалось, неприятности?.. Тип этот, Вадимом его, помнится, звали, все равно себя бы проявил: уголовник, он и есть уголовник. От себя, от природы своей, не уйдешь, будь ты хоть трижды инженер. Да и что это за профессия такая, прости, Господи, инженер!.. Когда-то, давно уже, еще, может быть... Но теперь-то?! Вон они, все эти инженеры, кандидаты технических и прочих наук – кто с метлой, кто на рынке, а кто и в бандиты подался. Этот-то, Вадим, уж точно... Либо сидел бы сейчас, либо такие же "инженеры" зарезали бы где-нибудь в подворотне.

Недавно объявился. Вышел, значит. Просто удивительно, как сейчас снисходительны стали к подобным типам. Раньше за такое – вплоть до высшей меры, а теперь что?.. семь лет каких-то отсидел у государства на шее, и здарсьте вам!.. Нарисовался, обрадовал. С порога выгнать, как следовало бы, конечно, интеллигентность проклятая помешала. Сидел тут, за столом, чай пил, про Марину расспрашивал. Морда совсем бандитская стала, просто страшно. Но пронесло, слава Богу. Ушел. А ведь мог и ограбить!

Вика тоже запомнила этот вечер, это возникшее вдруг в воздухе гостиной физически ощущавшееся напряжение из-за которого стало трудно дышать, говорить, смотреть прямо перед собой – взгляды метались по углам, как перепуганные лучи прожекторов во время воздушной тревоги.

Внешне Вадим мало изменился с тех пор, как Вика видела его в последний раз. Ссутулился немного, резче стали черты лица. Седины может быть и прибавилось, но в светлых, коротко стриженных волосах это было не заметно.

А вот взгляд у него стал другим. Это был уже не взгляд сильного, уверенного в себе мужчины. И не замерший, отрешенный взгляд идущего на смертельный таран камикадзе – именно такой был у Вадима когда Вика видела его в последний раз, в зале суда, когда оглашали приговор: десять лет. Сейчас это был растерянный и ждущий взгляд – взгляд потерявшейся собаки. Большого, породистого, любимого некогда пса, не понимающего, что случилось, где они, его хозяева и почему его все отовсюду гонят...

Да, любимого когда-то. Любила же его Маринка. Да и сама Вика, несмотря на свой тогда более, чем нежный возраст – сколько ей тогда было?.. двенадцать? Сама Вика, если честно, была тогда в Вадима немного влюблена. Было в нем что-то такое... романтичное, суровое, решительное. Сейчас бы Вика в него не смогла влюбиться. Разве можно влюбиться в человека с глазами потерявшейся собаки? Но разве, чтобы испытывать сострадание, нужна непременно любовь?

И тогда, в тот вечер, когда Вадим, совсем недолго пробыв у них в гостях, одевался в прихожей, Вика шепотом договорилась с Вадимом о встрече на следующий день.

И они, действительно, встретились. Вадим ждал ее в условленном месте неподалеку от университета, и в первую минуту, увидев его поникший силуэт в обтерханном, десятилетней давности пальтишке, силуэт замерзшего на ветру, абсолютно никому не нужного человека, в первую минуту, которой ей же самой потом было стыдно, Вика пожалела, что назначила эту встречу.

– Знаешь, – сказал ей Вадим после первых обязательных и никчемных слов, – я вчера еще хотел тебе сказать, как ты изменилась. Я бы ни за что не узнал тебя, если бы мы встретились где-нибудь на улице. Ты стала красавицей. А может, мы и встречались, – добавил он, подумав. – Вполне. Я тут часто хожу.

– Ты там же живешь? – спросила Вика.

– Нет. Мама умерла пока я... отсутствовал. А квартиру мы как-то так и не приватизировали. В общем там уже давно живут другие люди.

– Господи, прости, Вадим, я не знала.

– Да ничего.

– И где же ты?

– Да в общем, так... – он неопределенно развел руками и смущенно улыбнулся. – Везде понемножку. Когда как, короче.

– Подожди!.. – Вика удивленно и испуганно посмотрела на него. Она видела бомжей, вид их всегда был ужасен. А уж запах... – так что, получается, тебе негде жить?

– Ну, что значит, негде, – попробовал отшутиться Вадим, – наоборот. Мир, знаешь ли, огромен и прекрасен. И в нем есть место не только подвигу.

– Что же делать?

Вадим, удивленный ее реакцией, взглянул на нее внимательней и увидел, во всяком случае ему так показалось, что ей вроде бы действительно... не все равно, что ли. Что это она вдруг? Ерунда какая!..

– Да ладно, Вика. – Вадим небрежно махнул рукой. – Не бери в голову. Как говорил старина Карлсон, дело житейское.

– Нет-нет!.. – возразила Вика, которой пришел очень кстати на память один недавний разговор. – Так нельзя. Потом, зима же... Знаешь, Вадим, боюсь обещать, но кажется, есть один вариант...

И вариант не подвел. Встретившись с Вадимом в следующий раз, Вика не стала терять время на пустые разговоры, а сказав:

– Пошли, – повела его как маленького, держа за руку и ничего больше не говоря.

Повела-повела и привела в шикарную трехкомнатную квартиру с мебелью, книгами, посудой. Хозяева этой квартиры уехали, завербовавшись на три года куда-то то ли в Ливию, то ли в Ливан – в общем куда-то туда... А присмотреть за квартирой, а главное за цветами и аквариумными рыбками, хозяйка попросила свою давнюю приятельницу. Приятельница жила в другом конце города, а посему спихнула эту обязанность на свою дочку. Другая какая-нибудь может даже и обрадовалась бы – возникла сама собой, из ниоткуда шикарная "хата", куда можно водить кавалеров. Но то другая, а эта кавалеров не имела. Она была прыщавая и стеснительная. И как-то тихонько, чуть не шепотом, пожаловалась Вике, с которой училась в одной группе, как достала ее эта квартира, в которую надо ездить чуть не каждый день. Да еще раз в неделю прибираться там, полы мыть, а все же три комнаты, а своя-то квартира тоже никуда не делась и она тоже на ней.

Таким образом Вика поймала сразу двух зайцев: обеспечила Вадима прекрасным жильем и надолго, и спасла приятельницу от тяжелой обузы, поручившись ей, что человек, который там поживет, это очень хороший, порядочный человек, и что он будет поддерживать чистоту и порядок, поливать цветы и кормить рыбок как своих родных.

Единственная проблема была в отсутствии у Вадима прописки. Если настучат соседи и придет участковый с проверкой, будут неприятности. Значит, с соседями Вадиму предстояло дружить и ничем их против себя не настраивать.

И Вика навсегда запомнила то, что случилось, когда они пришли в эту квартиру и когда Вадим понял, что, собственно говоря, произошло и КУДА они пришли. Вика увидела то, во что никогда не верила, хотя сто раз и видела в кино: у этого сурового, мрачного мужика с тяжелым, словно запыленным лицом и большими кулаками вдруг из глаз потекли слезы. Вадим стоял посреди комнаты – посреди всей этой совершенно невыносимой, навсегда потерянной и забытой роскоши: мягкий кожаный диван, кресла, книжные шкафы, палас на полу, – посреди этой теплой, уютной комнаты и молча плакал, не только не всхлипывая, но даже не меняя все того же каменного выражения на лице. Словно ледяные глаза его, попав в тепло, начали тихонько таять.

А потом он сказал – негромко, глухо и совсем не торжественно, а словно проталкивая слова через комок, застрявший в горле:

– Вика, я твой должник. Если что-нибудь... Когда угодно, – он откашлялся, – В общем... ты понимаешь. Я для тебя сделаю все, что смогу. И даже если не смогу – все равно сделаю.

Вот о нем-то, о Вадиме, Вика и вспомнила, стоя у запертых дверей своего дома.

2

Все знают так называемый "закон бутерброда", ошибочно относя его к числу законов природы, регулирующих везенье и невезенье. На самом деле тот факт, что пресловутый бутерброд непременно шлепнется маслом вниз, объясняется всего-навсего элементарной механикой с такими простыми понятиями, как центр тяжести и момент вращения. А вот другой закон – закон четности, или, как его еще называют: "закон зебры", известен гораздо меньше, хотя он-то как раз к везенью, равно как и к невезенью имеет самое прямое отношение.

В вольном изложении закон этот выглядит примерно так. Не может быть двух везений или двух невезений подряд. Везенье и невезенье всегда составляют пару. Это очень хороший, справедливый закон, поскольку любая неудача, случившаяся с вами, всегда компенсируется следующей удачей. Беда одна: как "везенье", так и, соответственно, "невезенье" – понятия сугубо качественные. Их количественное выражение данным законом не регулируется.

К примеру, вы можете, опаздывая на работу, в последний момент догнать уже трогаящийся от остановки автобус. Это будет везенье. Но, вовремя приехав на службу, вы узнаете, что из всего вашего отдела именно вас включили в список лиц, подлежащих сокращению в рамках проводящейся кампании борьбы за повышение эффективности. Это будет невезение. Парность соблюдена, но, боюсь, вы этого не заметите, поскольку услышанная вами новость напрочь вытеснит из головы память о том, как вам повезло утром на остановке.

В полном соответствии с этим законом Вадиму повезло, и остановленная им на дороге попутка быстро довезла его до самого дома.

Больше всего на свете Вадиму сейчас хотелось выпить грамм сто и лечь спать. Выпить, правда, это он знал точно, было нечего. Не было даже воды. Воду у них по ночам отключали. Пива тоже не осталось, его еще днем выпил Макс. Была оставшаяся от хозяев уксусная эссенция, но это было не совсем то, что сейчас нужно было Вадиму. Впрочем, войдя в подъезд и поднимаясь по лестнице на свой пятый этаж, Вадим вдруг ощутил такую чугунную усталость, что у него возникла надежда, что удастся уснуть и без спасительных ста грамм.

Однако, человек предполагает... Неумолимый закон чередования удач и неудач действовал четко и стабильно, как механизм кремлевских курантов.

Еще не поднявшись на свою площадку, еще преодолевая последний оставшийся лестничный пролет, Вадим увидел, что дверь в его квартиру завалена чем-то, что издали и в полумраке напоминало большую грудку мусора. Помнится, когда Вадим впервые столкнулся с этим явлением, он так и подумал, что это соседи выгребли свой скопившийся по сусекам хлам, да и свалили, почему-то не найдя лучшего места, у него под дверь. Сейчас, прожив тут не один месяц, Вадим точно знал, что это такое. Если это и можно было назвать хламом, то с натяжкой. По крайней мере пока.

Это был сосед из девяносто пятой квартиры, расположенной этажом выше. Сосед был пьян, выгнан по этой причине супругой из дому и пришел, как это уже не раз бывало, к Вадиму в поисках ночлега и утешения. Сейчас он спал, сидя на полу и подпирая входную дверь. Позиция была выбрана стратегически безошибочно. Миновать его было невозможно.

– Гена, – потряс Вадим его за плечо, – подъем. Приехали.

Гена, однако, спал крепко и просыпаться не хотел.

Вадим познакомился с ним еще в самые первые дни после своего вселения. В ту пору он внимательно присматривался к своим соседям, стараясь по возможности запомнить их в лицо, чтобы здороваться, встречая не только на лестнице, но и во дворе, и в ближайшем гастрономе, и на остановке. Люди это любят, а Вадиму никак нельзя было настраивать против себя аборигенов своего подъезда.

Пил Гена уже тогда, и пил, честно говоря, крепко. Не раз Вадим оказывался свидетелем того, как двое-трое дюжих парней бесчувственным мешком втаскивали его по лестнице. Лифта в их шестиэтажке не было и работа, надо сказать, была не из легких. Но от дома и супружеской спальни Гену тогда еще не отлучали. Да и у какой жены, если она в здравом уме, поднимется на это рука, если муж – пусть и бревно-бревном, но приезжает, однако, на новенькой "БМВ" и влекут под белы ручки его не случайные забулдыги-собутельники, а охрана. Его, заметьте, собственная охрана во главе с его же собственным водителем.

Короче, в первые дни их соседства Гена был еще крут. Но и падение его с заоблачных вершин проходило по столь же крутой траектории. И первой точкой на этой нисходящей кривой, отмеченной Вадимом, стала первая Генина ночевка в его квартире.

В тот вечер Вадим вышел на лестницу, привлеченный шумом скандала (хотя и понимал, конечно, что лучше бы сидеть ему тихо и не рыпаться), вышел, поднялся немного вверх и увидел сидящего на ступеньках мужика в расстегнутом пальто и с основательно растрепанной прической на неприкрытой ничем голове. Богатая меховая шапка комком грязной ветоши валялась на площадке между этажами. Скандал уже стих, спорящие стороны разошлись и теперь

одна из них сидела на лестнице перед Вадимом, слегка покачиваясь взад-вперед и зажимая ладонью расцарапанную кровоточащую щеку.

– Вот, – сказал Вадиму мужик, в котором тот признал, несмотря на потрепанный вид, своего соседа. – Вот так!.. – продолжил тот, и в его тоне были обида и укоризна, будто он уже неоднократно о чем-то таком предупреждал Вадима, а тот... – Видишь, выгнала, сучка. – И качнулся при этом так сильно, что чуть не потерял равновесия. – Ну, и куда мне?..

Вадим постоял, посмотрел, подумал, а потом протянул руку соседу, чтобы помочь тому подняться, и сказал:

– Пошли.

Уложив нечаянного гостя спать на диван, чему тот, надо сказать, не слишком сопротивлялся, Вадим внимательно изучил содержимое его карманов и бумажника. Из паспорта он узнал, что того зовут Геннадий Васильевич Щукин, что ему сорок три года, что женат он первым браком, детей не имеет, а прописан там же, где и проживает, то есть в девяносто пятой квартире дома номер шестнадцать по улице Пионеров. Эта информация Вадима заинтересовала очень мало. Гораздо интереснее было то, что этот богатенький Буратино был просто-таки набит купюрами разнообразного достоинства. Они толстой пачкой лежали в бумажнике, скомканные и мятые валялись по всем карманам, а несколько пожатых сторублевок выпали у него из-за пазухи когда Вадим снимал с него рубашку.

Вадим как раз последние несколько дней сидел без денег. То есть буквально у него не осталось ни копейки, и никаких поступлений в ближайшем будущем не предвиделось. Уже был доеден последний батон и Вадим просто не считал себя вправе отталкивать руку спасительного провидения. Конечно, он не стал брать все. Он честно оставил хозяину даже большую половину обнаруженной суммы, резонно полагая, что тот никогда не сможет вспомнить когда, где и сколько он спустил.

Того, что он тогда взял ему хватило на полтора месяца. А там как раз дела начали поправляться.

С тех пор этот самый Геннадий Васильевич, а для Вадима просто Гена, не раз и не два пользовался его гостеприимством. Денег, правда, Вадим у него больше не брал. Да и денег у Гены становилось все меньше и меньше.

И вот он снова сидел под дверью, спал, утомленный солнцем, изрядной дозой спиртного, по большей части в последнее время очень низкого качества, а также ожиданием его, Вадима, появления. Спал и не желал просыпаться.

Если так дальше пойдет, – подумал Вадим, – скоро он насовсем у меня поселится.

Очень похоже, что к этому все и шло.

Если человек не умер, а всего-навсего спит, пусть даже и очень крепко, его всегда можно разбудить, было бы желание. Есть много проверенных способов сделать это без членовредительства. Можно дать понюхать нашатырь, можно облить холодной водой, да много чего можно сделать... Вадим обхватил ладонями уши соседа и с силой начал их растирать, в результате чего тот открыл глаза, взглянул на Вадима и довольно внятно произнес:

– Убью ее, тварь!..

Попав, наконец, в квартиру и обнаружив, что выпить нету решительно ничего, а бежать в ночной магазин за бутылкой Вадим не хочет, Гена снова пал духом и окончательно разуверился в разумности всего сущего. Жизнь вновь оборачивалась к нему своей кошмарной изнанкой, и спасение было только в одном – немедленно лечь спать.

Что он и сделал.

Прошло еще совсем немного времени и сам Вадим начал погружаться в сон. Уже Макс настойчиво и неотвязно тянул его куда-то, куда Вадиму идти совсем не хотелось, но куда, он откуда-то знал это, идти все равно придется. А Макс, голосом почему-то соседа Гены, все уговаривал:

– Пойдем. Надо зарыть эту тварь...

Ах, да!.. Они же были на зоне, в мастерской. И как раз конец работы. Все правильно. Вот и звонок звенит. Так что, значит, на построение?..

А звонок все звенел и звенел, чтоб им сдохнуть!.. Да слышу я, слышу... Сейчас, только инструмент приберу.

Вадим открыл глаза. Снова зазвонили. Вот черт, кто бы это мог быть? Вадим натянул брюки и, пошатываясь со сна, побрел в прихожую.

3

Массивную железную дверь, ведущую в подъезд, украшал кодовый замок. Подобные замки, в ряду прочего, давно стали приметой нашего времени – времени войны с террором, так же как бумажные полоски крест-накрест на окнах – времени другой войны, Отечественной. Да и толку, честно говоря, что от того, что от другого... Впрочем, речь не об этом.

В данном случае замок был чистой фикцией. Он был сломан, сломан давно, и Вика об этом прекрасно знала. Поэтому она просто потянула тяжелую дверь на себя. Дверь нехотя открылась.

Вадим, конечно же, уже спал. Звонить пришлось долго. Наконец, он открыл, босой и голый по пояс, и долго смотрел на нее, похоже не узнавая спросонья.

Наконец он тряхнул головой, отгоняя остатки сна и, сказав: – Проходи, – отошел от двери, пропуская ее в прихожую.

– Так... – сказал Вадим, заперев за ней дверь, – Тут у меня, – он кивнул головой в сторону одной из дверей, – человек спит. Соседа пьяного жена выгнала, – счел он необходимым пояснить сказанное. – Пойдем на кухню. Там вроде в чайнике вода оставалась. Сейчас вскипачу, кофейку выпьем. А то я что-то никак не проснусь.

На кухне он посадил Вику к столу и, проверив предварительно наличие воды в чайнике, поставил его на конфорку. Вскоре чайник уютно зашумел. Воды там видать, и вправду оставалось немного.

– Рассказывай, – сказал Вадим, сев, наконец, напротив.

– Ужасная история, Вадим, – начала Вика. – Меня сегодня, то есть вчера уже, конечно, – поправились она, – меня пригласили на день рождения. Я там была с одним своим знакомым, его Славик зовут...

Вика рассказывала спокойно, стараясь не путаться, не торопиться и не повторяться. Она репетировала этот рассказ пока шла сюда от своего дома. Поэтому заняло все это совсем немного времени. Даже слегка обидно: все, что с ней произошло за последние три часа, уложилось в трехминутное повествование.

Но Вадиму, похоже, этого было достаточно.

– Так, ясно, – сказал он, когда Вика закончила. – Посиди тут минутку. Пей пока кофе. Я сейчас.

И вышел из кухни.

– Значит, так: – сказал он, вернувшись, – я сейчас вызвал такси. Будет где-то минут через пять-десять. Поедем.

– Ага... – несколько растерянно произнесла Вика. Она пока что только успела рассказать о том, что произошло. Попросить Вадима она еще ни о чем не успела, и, пока он уходил, как раз прикидывала, в какой форме удобнее всего приступить к этому.

– Скажи-ка мне пока, – попросил ее Вадим, снова усаживаясь напротив, – Славик этот, это кто такой?

– Ну, его фамилия Ордынцев, – начала Вика. – Мы с ним в школе в одном классе учились. Он сын того самого Ордынцева...

– Какого – того самого?

– Ну как, какого?.. Ты что, не здешний, что ли? На улице плакаты видел? Листовки всякие предвыборные?..

– А-а!.. Ну, да... Вроде припоминаю. Так он в губернаторы лезет, что ли, этот Ордынцев?

– Ну, в общем, можно сказать и так. – Вику несколько покоробил тон Вадима. К Ордынцеву она относилась неплохо, и не только потому, что он был отцом Славика. Такого ректора еще поискать, да и вообще...

– Ясно, – закрыл тему Вадим. – А день рождения-то у кого был? Кто такая эта подруга?

– Светка Полонская. Мы с ней в одной группе...

– Понял, – перебил ее Олег. – А ее приятель?

– Я его не знаю. Первый раз видела. Здоровый такой парень. Виктор его зовут, а фамилию я не знаю.

– Значит, они как ушли, так и с концами?

– Ну да. Я, знаешь, подумала, что Славика могли убить, спутав с этим самым Виктором. Никто же не знал, что мы туда поедem.

– Возможно, – согласился Олег. И тут же воскликнул, вскакивая: – Ага! Это за нами.

Из комнаты доносилась трель телефонного звонка.

Дорогу Вика, как ни странно, запомнила и они доехали довольно быстро, ни разу не заплутав в темноте. Такси отпустили не доезжая до дома. Во двор вошли пешком.

– Так, значит, ты где-нибудь здесь посиди неподалеку, чтоб сама входную дверь видела, а тебя было незаметно, – инструктировал Вику Вадим. – Эх, жаль, телефонов нет, ни у тебя, ни у меня. А то могла бы позвонить в случае чего. Ладно, так прорвемcя. Держи-ка вот, – он протянул Вике ключи.

– Что это? Зачем?

– Так, на всякий случай. Там же у меня человек заперт остался. Ты уж его, если что, выпусти, не забудь. Ну и вообще, рыбки там, в общем, сама знаешь... Ладно. Пошел.

И он пошел, сутулясь и не оборачиваясь.

– Господи, помоги, Господи, помоги... – шептала Вика ему вслед.

Та-а-ак... Ну и ну!.. Надо же так искромсать человека. Родная мать, поди, сейчас не узнает. Вадим стоял, сокрушенно покачивая головой, над изуродованным телом Славика, лежащим в начавшей уже подсыхать луже крови.

– Да-а!.. Ну что же, однако... произнес он вслух. – Пора, однако, за дело.

Он прошел в ванную и нашел там сиротливо болтавшееся на гвоздике полотенце.

– Сойдет, – одобрил он.

Нож он нашел быстро. Большой раскладной нож с выбрасывающимся лезвием, довольно тупым, кстати, и стопором. Вадим аккуратно вытер его полотенцем и бросил на кровать.

Теперь – сумочку.

Сумочки нигде не было. Ее не было ни в гостиной, где Вадим обшарил и шкаф, и стенку, благо они были практически пусты, снял сиденье с дивана и долго шарил под ним самим, пачкаясь в пыли. Не было сумочки и на кухне, как не оказалось ее ни в ванной, ни в туалете, ни в прихожей. Ту комнату, где произошло убийство и где лежал труп, Вадим оставил напоследок, надеясь найти эту проклятую сумочку где-нибудь в другом месте. Не вышло.

В той комнате – видимо, спальне, стояла большая кровать, и, поскольку никакой швабры и никакого веника в квартире не обнаружилось, пришлось опять лечь на пол и протискиваться под нее самому. И тщетно. Сумочки там тоже не было. Вадим снял с постели смятое покрывало под которым не обнаружил ничего, кроме голого матраса. Там не было не только сумочки, там не было ни простыни, ни одеял, как будто на ней никто и не собирался спать, как будто это была бутафория. Вадим вспомнил, что он вообще нигде никакого белья не обнаружил.

– Ах, да!.. – произнес он вслух. – Ее же только что купили. Еще не обжились. Понятно.

Однако, это все было пустое. Главного это не меняло и не отменяло: сумочку надо было найти во что бы то ни стало, а ее проклятой, нигде не было.

В тумбочках, стоявших в почетном карауле с обеих сторон изголовья, причем одна из них, пострадав во время драки, лежала на боку и была вся измазана кровью, в тумбочках сумочки тоже не оказалось.

Наконец, осталось одно место, одно-единственное, где Вадим еще не успел посмотреть, и куда заглядывать ему совсем, честно говоря, не хотелось. Предстояло обшарить сам труп и место на полу под ним. Он, конечно, вполне мог лежать на этой самой сумочке. Да, судя по всему, так оно и было. Раз больше ее нигде не было. А ведь где-то же она должна была быть. Ну, правда, разве что... Разве что ее прихватили с собой убийцы. Или убийца. Но Вадиму почему-то казалось, что тут был не один человек. Он и сам не знал, почему. Казалось, и все.

– Но зачем она им могла понадобиться? – рассуждал про себя Вадим, стараясь не столько докопаться до истины, сколько отвлечься от того, что ему предстояло сделать. – Гораздо проще было вынуть то, что там лежало – ну, деньги там, ключи, паспорт, телефон, чем забирать саму сумочку. – Ему пришлось встать в скользкую лужу, иначе к трупу было просто не подобраться. – Вот, – ворчал он тихонько, – теперь туфли придется мыть.

Он ухватил тело покрепче за плечи и рывком перевернул на бок. Черт! Там было пусто.

– Ладно-ладно!.. Попробуем с другого бока, ну-ка!..

Увидев подъехавшую к подъезду машину, Вика не сразу сообразила, что произошло. Это были обычные "Жигули", и подъехали они тихо, скромно, без sireны и мигалки. И только когда двое человек вышли из машины и шагнули в круг света, образованный лампочкой, свисавшей с козырька, Вика увидела, что они в милицейской форме.

Вика почувствовала холодок на спине и тошную слабость. Она зажмурилась и закрыла лицо руками. Это было – все...

Это была катастрофа, и она уже ровным счетом ничего не могла сделать, чтобы хоть как-то помешать случиться тому, что сейчас должно было произойти.

– Стоять! Не двигаться! Руки за голову.

Вадим как раз, стоя в луже крови, с кряхтением переворачивал тяжелое тело Славика на другой бок. Видимо шум крови в ушах, прилившей к голове из-за неудобной позы, и собственное дыхание заглушили звук осторожных шагов в прихожей. Неожиданный крик взорвал напряженную тишину. Вадим вздрогнул и выпустил плечи Славика. Тело упало, негромко стукнувшись головой об пол.

– Твою же репу!.. – сквозь зубы выдохнул Вадим, не торопясь разгибаться.

Медленно повернув голову в ту сторону, откуда кричали и где была дверь в комнату, он, глядя снизу вверх, увидел двоих в форме. В руках у обоих были пистолеты, и направлены они были в его сторону.

Вот так, и сумочку не нашел, и сам влип, как последний...

Медленно, оставляя кровавые следы, он подошел к этим двоим и протянул руки.

Когда его вывели на крыльцо, Вадим знал, что Вика его сейчас видит. Он не догадывался, что столь же внимательно за ним наблюдают еще две пары глаз.

– Ну все-таки, черт возьми, интересно, где же эта дурацкая сумочка? – думал Вадим, садясь в милицейскую машину.

4

Где находится Викина сумочка хорошо знала Света. В тот самый момент, когда Вадим безуспешно ломал себе голову над этим вопросом, сумочка мирно висела на вешалке в прихожей квартиры Виктора, Светкиного приятеля, известного в определенных кругах под кличкой Удав.

Как-то на днях, когда Света и Виктор мирно отдыхали после утомительных и бурных минут любовных утех, Виктор спросил:

– Слушай, Свет, ты же такую, Шубину, знаешь?

– Шубину? Постой, это Вику, что ли?

– Кажется, да.

– Ну, мы же с ней вместе учимся.

– Ты с ней дружишь?

– Ну, так... – неопределенно пожала плечами Света. – А что?

– Не хочешь ее на свой хэппи бездей пригласить?

– Ну, вообще-то я не планировала. И вообще, мы же с тобой договаривались... Или ты забыл?

– Да, я помню, интимный ужин при свечах, и все такое... – Виктор помолчал. – Тут такая штука... В сентябре мы с тобой смотаемся на Багамы.

– Куда? – перебила его Света. – На Канары, ты хотел сказать?

– Да нет, что – Канары? Канары дешевка. Туда сейчас всякая рвань ездит. Багамы – это класс. Мне один рассказывал...

– Подожди, у меня же занятия начнутся.

– Да ладно, пропустишь недельку, что с тобой случится? Я-то вообще хотел сейчас, но сейчас не получается. Чуть попозже. Вот там у нас с тобой будет все, что хочешь. И интим, и свечи... Ну что, съездим?

– Ну-у, дава-а-ай!.. – протянула Света, томно потягиваясь и обнимая большое, сильное тело Виктора.

– Ну вот, – продолжил тот, не отвлекаясь на ласку, – а сейчас мы твой день варенья организуем в "Ассоли"...

– В этой дыре?! – возмутилась Света. – Не хочу.

– Ну, не такая уж и дыра, – обиделся Виктор. – Зато там будет полный порядок. Там же народ весь свой. А ты пригласи эту свою Шубину.

– Зачем? Мне вовсе не хочется...

– А на Багамы?.. – вкрадчиво спросил Виктор.

– На Багамы хочется.

– Значит, давай договоримся так, – Виктор сел и посмотрел на нее сверху вниз. В голосе его появилась строгость и непреклонность. – Сейчас ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, а на Багамах все будет так, как захочешь ты. Ну, договорились?

– Ну вот еще... – по инерции продолжила было капризничать Света, но, взглянув на приятеля, осеклась. – Ну, ладно, ладно!

– Вот и ладушки, – улыбнулся Виктор. – И вот еще что. У этой Вики Шубиной есть приятель, Слава. Когда будешь эту Вику приглашать, обязательно скажи ей, чтобы она вместе с ним приходила. Понятно?

– Ни капельки! Тебе кто нужен, Вика или этот ее Слава?

– Слушай, ну что ты пристала? – возмутился Виктор. – Договорились же. Ну ладно, – помолчав продолжил он, снова ложась рядом со Светой и ласково обнимая ее. – Тут такая история. Любовь-морковь... Короче, этот самый Слава запал на эту твою Вику, просто поды-хает от любви. Того гляди руки на себя наложит.

– Да ладно, – протянула недоверчиво Света, – сказки все это. Кто сейчас...

– Как это, ладно?! – возмутился Виктор. – Что значит, сказки? А мы с тобой?..

– Ой, да бросьте, щас умру! Тоже мне, Ромео, – она поцеловала Виктора. – Ну, давай-давай, продолжай. Не отвлекайся. Мне же интересно. Люблю, когда про любовь!..

– Так вот, слушай, – сам начиная увлекаться, фантазировал Виктор, – я-то этого Славу не знаю, не имею, так сказать, чести быть знаком лично... да... Ну есть, короче, у него близкий друг. Вот он этому близкому другу и пожаловался, что жизни, мол, нету ему от этой любви. А Вика эта, сучка... ну, короче, она целку из себя строит. Ну, типа, недоступная вся из себя такая. Ну, ты понимаешь, да?

– М-мм, угу... – промурлыкала Света.

– Во-от... Ну, этот друг, значит, меня и попросил помочь.

– Это как же? Ноги ей подержать, что ли?

– Да нет, ну, ты скажешь, тоже... Просто устроить надо, чтобы они в подходящей обстановке остались вдвоем. Ну, и чтобы им никто не мешал. И все будет тип-топ. А если не будет, то значит, сам виноват. И пускай тогда с собой кончает на здоровье. Верно? Таким и вовсе на свет родиться не надо, которые... ну, короче, тогда тут уже ничем не поможешь.

– Та-ак, ну и что же?..

– А вот, слушай...

Все получилось, как было задумано. Света вприпрыжку выскочила из подъезда, радостно улыбаясь и размахивая Викиной сумочкой. Виктор ждал ее, стоя у машины.

– А это что? – спросил он у нее, указывая на сумочку.

– А!.. это... это я прихватила, так, на всякий случай. Чтоб она в случае чего не убежала. Не пойдет же она без нее.

Света хихикнула и бросила сумочку своему кавалеру.

– Держи. Завтра подбросим. Она ни о чем и не догадается.

– Ага... – растерянно согласился Виктор. Он не знал, как отнестись к этому поступку своей подруги. Может, конечно, оно и ничего... А с другой стороны, это вроде как не предусматривалось. Но ведь всего и не предусмотреть, верно? В любом случае, что сделано, то сделано. Не идти же теперь обратно, чтобы вернуть эту злополучную сумочку. – Ладно! – решил он. – Сойдет. Какая, к черту, разница?

Ни в какое кафе они, конечно, не поехали. Да там их и не ждали. Поехали они к Виктору. Квартирка у него была не чета той, в которой вдвоем с бабушкой проживала Света, и уж, конечно, ни в какое сравнение не шла с этой трущобой, где они оставили эту пару голубков. Вот так-то, милая Вика, не все же тебе в девушках ходить. Ничего, еще спасибо мне скажешь!

Виктор, правда, был какой-то смурной, чем-то озабоченный и на Светкины заигрывания никак не реагировал. Он поглядывал на часы, на телефон, который положил на журнальный столик, и то ходил по комнате, то садился в кресло перед этим самым столиком, на котором кроме телефона стояла большая початая бутылка виски, и наливал себе в пузатый бокал по чуть-чуть янтарного напитка.

Быстро поняв, что Виктору не до нее, Света забралась с ногами на диван и включила телик. Найдя музыкальную передачу она успокоилась и расслабилась. Пусть себе нервничает, ее-то какое дело. Она свое сделала.

Несколько раз просыпался, издавая приятную мелодию, телефон. Виктор хватал его, но по нему видно было, что это все не те звонки. Отвечал он всякий раз односложно:

– Нет еще пока. Жду.

И снова клал телефон на место.

Наконец, где-то через час, позвонил и тот, кого он ждал.

– Так, – сказал Виктор, – ну наконец-то. Ну, и что?

Он послушал, что ему ответили и, похоже, остался доволен.

– Ладно, молодцы! С меня премия. Значит, завтра, как условились. Все, пока.

После этого он сам позвонил кому-то.

– Это я. Ну, все. Порядок, – помолчав и послушав, что ему там говорил невидимый собеседник, он добавил: – Да нет, не думаю. С чего бы? Все нормально. Да. До завтра.

Он отключился. Со вздохом облегчения швырнул телефон обратно на столик, и, наконец, обратил свое благосклонное внимание на Свету.

Ну вот!.. Сделано. Отпустило, наконец. Теперь можно и расслабиться!

– Ну, Светик ты мой, дорогой, – проговорил он, задыхаясь, между поцелуями, – ну, я тебя сегодня замучаю.

Светка счастливо засмеялась, обнимая его за шею.

И он таки сдержал свое слово.

Под утро, оба измочаленные, уставшие, опустошенные, опорожнившие между делом, ту самую бутылку, что стояла прежде на столике, а теперь валялась, такая же пустая, как и они сами, где-то в углу комнаты, они не то, чтобы спали, а так, тихо дремали, не выпуская друг друга из объятий. И тут снова проснулся этот чертов телефон.

Виктор, вскочив, схватил трубку.

– Ага, ясно! Ну, вот и замечательно. Запомнили его? Ах, даже сфотографировали? Ну, вообще молодцы. Значит, не перепутаете, потому что я-то там светиться не буду. Ну ладно, вы люди надежные, сами справитесь. Все, ни пуха!..

– Ну, вот и все. Наше с тобой дело сделано. Теперь за работу возьмутся другие, – сказал он, обращаясь к Свете.

– Какое дело? – не поняла она. – А когда мы к Вике поедим?

– Радость ты моя! Никуда мы не поедим. И вообще, забудь про Виду. И про то, что сегодня вечером было, тоже забудь. Поняла? Мы с тобой, если что, отвезли их, куда они попросили, и все. Ясно? Дорогу ты не помнишь. Ее этот, Слава, показывал. Отвезли и уехали. И все. И больше ничего мы с тобой не знаем. Ты поняла меня, радость моя? – настойчиво спросил он. – Ничего не напутаешь?

– Я ничего не поняла, – тихо и испуганно сказала Света. – Что с Викой?

– А ничего. Все!.. Кранты. Нету больше этой Вики. Одной Викой на свете стало меньше. Но мы же не будем по ней плакать, правда?

– Подожди. – Света отстранилась и села. – О чем ты?.. Ты что?.. Что ты с ней сделал?

– Я?! – возмущенно повысил голос Виктор. – Как я мог с ней что-нибудь сделать, если я был тут, с тобой? Или ты забыла? Ну, давай повторим.

Он сделал попытку обнять Свету, но она выскользнула из его рук и, поднявшись с дивана, отошла в другой угол комнаты.

– Что с Викой? – голос ее напряженно дрожал.

– Ну что, скончалась Вика. Мир ее праху, и все такое...

– Ее убили?

– Слушай, ну какая тебе разница? Она что, подруга твоя лучшая? Ты, вон, ее даже и приглашать-то не хотела.

– Ага!.. Ты меня уговорил. Ты все врал мне, да? Насчет их любви и все такое...

– Насчет любви – нисколько. Славка этот точно втюрился в нее по самые уши. И рад был, конечно, до усрачки, когда мы их там оставили. Может, даже, и правда воспользовался случаем...

– Ничего не понимаю! – в отчаянии закричала Света. – Ну и что?!.

– Да ничего. Попользовался и убил. И все дела.

– Но этого не может быть.

– Почему? Завтра весь город только об этом и говорить будет. Сама услышишь. Вот негодяй какой! Зарезал такую хорошую девушку по пьянке. А еще сын кандидата в губернаторы!

– Так вот оно что, – медленно и очень тихо проговорила Света. – Это значит, из-за этого все, да?

– Ну, понятно, что не просто так. Если эта гнида Ордынцев победит на выборах, он Папу по стенке размажет. И нам всем мало не покажется.

– Какого Папу?

– А, ну ты же не знаешь... Зуева. Я же у него в команде. Теперь, считай, все! Теперь он как по рельсам... Этот Ордынцев теперь хрен когда отмажется. А кто ему эту беду устроил? Считай, что мы с тобой. Поняла? Нам теперь с тобой... – он махнул рукой, блаженно улыбнулся и прикрыл глаза. – У нас теперь... что там – Багамы-хуямы всякие, икру ложками жрать будем, в шампанском купаться! Хочешь унитаза золотой? Будет!..

– Значит, мы с тобой теперь убийцы? Так получается?

– Да Бог с тобой! – замахал руками на нее Виктор. – Ты что, глупая, что ли? Русского языка не понимаешь? Я же тебе говорю, это Славка ее того... кончил, короче. Ясно?

– Сволочь, – тихо и очень внятно произнесла Света. – Какая же ты сволочь. Господи, что же я наделала!

Она опустила голову и закрыла лицо руками. Виктор шагнул к ней, взял за плечи. Она яростным движением стряхнула с себя его руки, на миг замерла, пристально глядя в эти серые, большие, еще час, да какой час! еще десять минут назад такие любимые глаза, потом вдруг развернулась и молча, сильно ударила его по щеке.

Виктор не успел среагировать. Не ожидал. Удар получился хлесткий. Он схватил ее за руку, притянул к себе. Правой рукой обхватил ее горло. Надавил.

– Ты что это, сука? С ума сошла? Я же тебя просто придавлю сейчас, ты и не вякнешь.

Он еще сильнее стиснул пальцы. Света задергалась, вырываясь, но безуспешно.

– Ну, будешь еще рыпаться?

Он толкнул ее и она упала на пол.

– Ты учти, – тихо, почти задушевно, проговорил Виктор, глядя на нее с высоты своего роста, – ты или с нами, или против нас. Если с нами, все будет, как я сказал. Если против... Ну, тогда с тобой будет то же самое, что и с этой твоей Викой. Ты меня поняла?

Света приподнялась. Теперь она сидела на полу, опираясь на руки и глядя куда-то мимо Виктора.

– Ты поняла?! – громче спросил он.

Она все молчала.

– Ладно, подумай. Я сейчас уйду. Мне надо... А ты подумай. И учти на всякий случай: ты в этом деле по самые уши. Если что...

6

Ошибался Виктор, ох, как ошибался – несчастная жертва недобросовестности и дезинформации. Жива была Вика. Как говорится, живее всех живых. И хотя спасло ее исключительно слепое стечение обстоятельств, ни радости, ни благодарности судьбе она не испытывала. Напротив.

То, что сейчас случилось, подкосило ее едва ли не больше, чем случившееся перед этим. Там она была просто жертвой, пассажиром сошедшего с рельс поезда, сейчас же она послала Вадима, из-за нее он оказался там, а значит из-за нее... Никто не усомнится в его виновности, что бы он там не говорил в свое оправдание. А что он может сказать? Что это не он убил Славика? И все? И все. Про нее, Вика была в этом уверена, он не скажет ни слова. И значит опять ему придется отвечать за чужой грех. В том числе и за ее. Как она могла забыть сумочку? Если бы не это... Ах, если бы не это!

Опять она брела по пустым еще предутренним улицам. Брела, механически переставляя ноги; старческой походкой, всей поникшей фигурой она напоминала в потемках одну из тех нищенок, что как раз в эту пору обычно выползают из своих тараканьих щелей и обходят дозором мусорные баки.

Но Вика возле контейнеров с отходами не останавливалась, не трогали ее и пустые пивные бутылки на газонах, несобранный урожай которых еще дожидался чьих-нибудь хозяйских рук и верного глаза. Вика брела к дому.

Впрочем, к какому дому? Не было у нее больше дома. Теперь он превратился в западню. Сумочка, проклятая сумочка! Ведь Вадим так и не вынес ее. Не сумел найти? Ну, эти-то сумеют...

И, может быть, тогда она сумеет все же доказать, что Вадим тут не при чем. Может быть, сумеет... А может, тогда уж и не стоит ждать, пока придут за ней? Какой смысл? Самой... Самой прийти и все рассказать, как было. Может быть, все же удастся уговорить, заставить их искать настоящего убийцу. А с другой стороны, зачем им?... Зачем, когда все и так ясно. Вот Вадим, которого взяли прямо возле трупа, вот она, чей паспорт отчего-то валяется где-то там же. Сама пришла?... Ну, так и что? Понятное дело, видит, что все равно деваться некуда, вот и решила... Что? Ну как, что? Обмануть следствие, направить его по ложному пути.

А она все шла и шла, и мысли мешались у нее в голове, и невозможно было прийти к какому-то выводу. Ясно было только одно: жизнь – прежняя, привычная, счастливая и спокойная, эта жизнь кончилась. Начиналась борьба за существование. И первым шагом в этой борьбе было – уйти из дома, где оставаться стало опасно. Это самое первое. Все остальное – потом.

Потом все-таки ведь что-то должно же проясниться, казалось Вике. Впрочем, она понимала, что наверное ошибается.

Легко сказать – уйти из дома. А как это сделать? То есть, именно практически: как обставить этот свой уход? Сказать родителям, что ей нужно уйти? Господи, да тут такое начнется! Нет-нет! Это совершенно невозможно. Придется тайком, тихонько, не прощаясь. Нужно будет записку оставить, чтобы не искали. А главное, нужно будет взять денег. У нее же нет ни копейки.

Дома ее встретили в общем нормально. Спросили про ключи. Сказала, что забыла, что сегодня заберет. Потом, сославшись на усталость, ушла в свою комнату. Где-то через час мать должна уйти на работу. Потом отец закроется у себя в кабинете – что он там делает: учит немецкий, читает какой-нибудь детектив или просто спит, Вика не знала. Главное, она сможет беспрепятственно войти в их спальню, где в бельевом шкафу хранятся их скромные сбережения.

Что она и сделала через полтора часа. Пять тысяч рублей теперь лежали в ее старой сумочке. Туда же она положила ключи, что передал ей при расставании Вадим, туда же перекочевал и запасной комплект ключей от их квартиры после того, как она тихонько закрыла ими входную дверь. Оставалось только одеться соответствующим образом: джинсы, фланелевая рубашка, кроссовки. Все, обратной дороги не было, а пути вперед она не видела и не знала.

Впереди был туман, и где-то там была пропасть в этом тумане.

7

Света была девушка темпераментная. Среди ее предков, правда по материнской линии, были и горячие кавказские горцы, каковым обстоятельством Света даже немного и гордилась. Именно у таких людей от любви до ненависти один шаг. И похоже было, что Светой этот шаг пройден.

Честно говоря, она не знала, да и не задумывалась, что именно страшнее всего поразило ее – убийство Вики Шубиной, с которой она вот только вчера вечером сидела за одним столом, или то, что любимый человек просто-напросто использовал ее как безмозглого червяка в качестве наживки. То, что он и раньше мог так же всего лишь использовать ее для удовлетворения своих естественных физиологических потребностей, в качестве, грубо говоря, не более, чем сосуда для избытка спермы – это ей никогда не приходило в голову. Да и потом, еще неизвестно, кто и кого использовал. Света, как уже было сказано, была девушкой темпераментной.

Некоторое время Света стояла, яростно сжав кулаки и молча смотрела в сторону двери, ведущей в прихожую, откуда только что донесся звук запираемого замка. Это ушел куда-то Виктор. Что ж, ей здесь тоже больше нечего делать. Тут она обнаружила вдруг, что стоит почти голая и кинулась собирать разбросанные по всей комнате вещи. Надо было быстро одеться и уходить. О том, что она будет делать дальше, Света пока не задумывалась. Как и Скарлетт О"Хара она резонно считала, что об этом она может подумать и завтра.

Света подошла к зеркалу. Боже! Ну и видок после весело проведенной ночи. Надо привести себя в порядок. Все, что нужно лежало тут же, под зеркалом. Все это было ее, все эти кремы, тушь, помада, лосьоны и еще множество всего – маленькая походная лаборатория алхимика. Все необходимое для превращения такого вот кусочка дерьма, – подумалось ей, – в сверкающий золотой самородок. И все это придется оставить тут. Этому козлу на память. Можно было бы забрать, нечего всяких посторонних шлюх баловать, да жаль, положить не во что. Она-то сюда явилась с пустыми руками. Впрочем, подождите-ка, почему – с пустыми? Что-то у нее в руках было...

– Ах, ну да!.. – Света выглянула в прихожую. Вот же она висит, Викина сумочка. Это же она сама утащила ее, чтобы... Господи!.. Надо же, вот дрянь хитрожопая! Ну, так что ж теперь?.. Может, взять ее? Вике она вроде, уже...

Света протянула руку, и тут же отдернула ее, словно обжегшись. Нет! Пусть висит. И вообще, хватит. И это добро пусть остается. Что она, мелочевка такая, чтобы все эти тюбики, баночки, помады как сорока к себе тащить? Ничего, дома у нее достаточно...

А этим пусть этот козел пользуется. Пусть, сволочь, губы себе красит!

Она снова подошла к зеркалу. Так, плевать! Сойдет до дома добраться. Сейчас губы накрашу...

Закончив с этой процедурой, Света повертела в руках помаду и решительно, поперек всего зеркала, крупными, корявыми ярко-красными буквами написала: КОЗЕЛ!!!

Совершив этот акт, она размахнулась и со всей силы бросила цилиндрок с помадой в стену. На светлых тисненых обоях осталось небольшое красное пятно. Хотелось сделать что-нибудь еще, в ней начал просыпаться инстинкт разрушения. Хотелось подобно Маргарите бить люстры и громить рояли, хотелось с упоением рвать в клочки эти простыни, хранящие запах ее пота, крушить мебель, слышать восхитительный звон сыплющихся стекол... Света тяжело вздохнула. Разрушительный инстинкт боролся в ней с инстинктом самосохранения, и последний победил.

Да, что поделаешь! Ей-то не светит улететь отсюда ко всем чертям подобно той же Маргарите, и никакой Воланд не поможет ей, когда придет за ней Виктор, страшный в гневе.

И Света спокойно пошла в прихожую.

Минут через десять, устав бессмысленно бегать по комнатам в поисках неизвестно чего, Света села на стул и попыталась успокоиться и взять себя в руки.

Да! Она оказалась в западне. Входная дверь была заперта. И заперта на ОБА замка. Верхний можно было открыть изнутри, да и закрывался он без ключа, достаточно просто хлопнуть дверь, а вот нижний... И не выломаешь, дверь железная.

И что же делать? Позвонить куда-нибудь... Так не с чего! Въехав в эту квартиру, Виктор не стал ставить городской телефон. К чему, когда есть мобильник? И ведь это она сама – сама! – посоветовала ему... Боже! Какая дура!.. Еще и словцо нашла в качестве аргумента, "анахронизм", хорошее слово, умное, сразу видно университетское образование... Идиотка!

Ну ладно, ладно... Делать-то что-то надо! Кричать? Откуда? С балкона? Она вышла на лоджию. С высоты десятого этажа хорошо просматривалось пустое в этот ранний час шоссе, пустырь за ним, краны новостроек на краю пустыря. Прохожих было не видно. Выйти в прихожую и орать там, пока соседи не сбегутся? И что она им скажет? Они еще милицию вызовут. Нет, пожалуй, милицию сейчас не надо. Значит, не надо и соседей.

А что тогда?

Значит, придется сидеть тут, на что и рассчитывал Виктор, запирая ее – куда, мол, денется?.. А когда придет? Притворятся, что она все поняла, просить прощения, целовать его?.. А как же тогда вот это? Света взглянула на испорченное зеркало. Ну, что ж... Она сбегала в ванну, схватила там какое-то полотенце и принялась лихорадочно оттирать написанное. Жирная помада размазывалась по стеклу и ни черта не желала оттираться.

На глазах у нее выступили слезы. Она отшвырнула полотенце. Нет, как угодно, но здесь оставаться она не намерена. Звериный инстинкт гнал ее из ловушки.

Остается одно, решила Света, попробовать спуститься на нижний этаж. В принципе не так уж и трудно. Вот только высоты она боится. Но, пожалуй, дожидаться тут Виктора еще страшнее.

Ну что же, раз другого выхода нет...

Она снова вышла на лоджию. Глянула вниз. Ой, мамочки!.. Голова начала кружиться при одной мысли, что придется сейчас перелезть через ограждение и висеть над этой бездонной пустотой.

– Ой, нет, не смогу! – пробормотала Света и закрыла лицо руками. Она же не скалолаз. Это они умеют, это у них есть всякие специальные приспособления – пояса там, карабины, канаты специальные... А у этого козла, Виктора, она уверена и простой веревки не найдет. Зачем она ему? Повеситься, разве что.

Веревки и в самом деле не нашлось. Был какой-то капроновый шнур, но для ее целей он решительно не подходил, и Света не колеблясь забрала его.

И тут ей пришла в голову одна мысль, безусловно навеянная читанными когда-то в детстве приключенческими книжками. Простыни! Да-да!.. Те самые простыни, которые только что ей так хотелось разодрать в клочки. Если связать две-три простыни, то их длины вполне хватит, чтобы слезть по ним на один этаж. Простыни хорошие, крепкие, новые, если их скрутить жгутом – выйдет отличный канат. И не грубый к тому же. А посередине навязать несколько узлов, чтобы было за что цепляться. Кажется, ей пришла в голову отличная идея!

Так!.. Сперва посмотрим, сколько их вообще есть. Всего обнаружилось четыре простыни. Одна была постелена на кровати, одна, скомканная, лежала в корзине для грязного белья в ванной, и еще две, чистые и отглаженные, нашлись в ящике комода. Отлично! Ту, грязную, можно пока оставить. Этих вот, трех, наверное, хватит.

Свою лоджию Виктор еще не остеклил, а вот нижняя, похоже, была уже благоустроена. Но сейчас, в такую жару, вряд ли ее держали закрытой.

В бетонном ограждении Света обнаружила крюк из толстой арматурной проволоки. Наверное, за него цепляли, когда поднимали эту панель во время строительства. Крюк этот словно специально был оставлен для нее, и Света, скрутив потуже жгутом простыню стала просовывать ее словно нитку в игольное ушко.

Ура!.. Пролезла! Теперь завязать ее покрепче, да не одним узлом. Та-ак!.. Отлично. Света подергала за простыню, рванула всем своим весом – держит! Ну, вот и хорошо. Теперь – пару узлов посредине, и можно привязывать вторую.

Получилось даже лучше, чем она ожидала. Кто угодно мог теперь слезть по этой замечательной веревке так же запросто, как спуститься по лестнице. Кто угодно, только не она!..

Она подошла вплотную к ограждению и заставила себя посмотреть вниз. Нет, не туда, не на землю, до которой было так далеко, нет – сюда, на ту, наружную сторону этой плиты. Да, так она и думала. Та сторона была совершенно гладкой.

Когда-то, давным-давно, в детстве, когда она жила еще с папой и мамой, на втором этаже их маленького двухэтажного домика на Первомайской, они с приятелями иногда развлекались тем, что перелезали через балконное ограждение и расхаживали вдоль всего балкона – туда-сюда, цепляясь за удобные деревянные перила и ставя ноги на балконную плиту, просовывая их сквозь железные прутья. Это было так здорово! Чуть-чуть страшно, совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы можно было считать себя смелыми и отважными, под балконом росла сирень, и до нее было рукой подать... И вообще, она тогда совсем не боялась высоты.

Высоты она стала бояться после того случая с Толиком Пеньковым. Она тогда училась в восьмом классе, а этот дурак – уже в Политехе. Можно сказать, это была ее первая настоящая, серьезная любовь, и этот самый Толик несомненно добился бы от нее того, чего хотел, если бы однажды, под Новый год, он не вывалился из окна, с седьмого этажа своей общаги. Они были на вечеринке у одного из его друзей, и вышли на лестницу покурить, да и вообще... целоваться там можно было без помех. Но Толику этого было мало, Толик был обкуренный, да и выпили они достаточно. Толику захотелось выяснения отношений, в нем проснулись амбиции и разыгралась ревность. Он распахнул окошко и, вскарабкавшись на подоконник, начал, с трудом удерживая равновесие, качать права и ставить ей какие-то ультиматумы, наверное, он угрожал ей тем, что покончит с собой – Света не помнила. Она вообще его не слушала. Ей было смешно. Ей самой дали тогда пару раз затянуться и ее разбирал хохотунчик. Этот Толик был ужасно мил, он так уморительно размахивал руками, а потом вдруг негромко вскрикнул и исчез в туманной от клубящегося морозного пара дыре окна.

А потом, когда до нее дошло... И еще чуть погодя, когда она вместе с другими, спустившись вниз, увидела его тело – такое мертвое, и такое непохожее на то, что еще пять минут назад ходило, говорило, смеялось, могло так сладко поцеловать...

С тех пор Света стала бояться высоты.

И все же, надо было решаться. Самое главное, не смотреть вниз. И не думать ни о чем, кроме того, что делаешь вот сейчас, в эту самую минуту.

Света сбросила белый длинный хвост своего импровизированного каната наружу. Так, что дальше?.. Она подошла вплотную к плите ограждения, встала к ней правым боком и, склонившись к ней, прижавшись грудью к неровной, бугристой поверхности ее верхнего торца, глядя влево, на пыльный пол лоджии, а правой рукой судорожно ухватившись за свой канат, стала медленно перебрасывать правую ногу через ограждение, царапая свою нежную кожу и не обращая на это не малейшего внимания.

Наконец, это получилось. Ухитрившись не потерять равновесия, она перебросила ногу, и теперь сидела верхом на этой бетонной плите, как всадник на лошади. Да нет, скорее уж, – подумала она, – как собака на заборе.

Еще не поздно было вернуться назад. Упасть кульком на грязный бетонный пол. И ей, правда, вдруг так захотелось туда, ощутить эту твердую основу под ногами, сесть прямо на пол и заплакать. Господи!.. да ей же ничего больше не надо. Просто жить! Просто...

Ладно, хватит соплей! Света стиснула зубы. Сейчас ей предстояло самое трудное, самое опасное. Потом, когда она уже будет висеть, вцепившись в эти вот простыни, будет легче: всего только потихоньку опускаться, перебирая руками и тормозя на узлах. А вот сейчас!..

Она стала потихоньку переносить тяжесть своего тела направо, туда, наружу – в сторону этой засасывающей бездонной пропасти. Согнутой в колене левой ногой она мертво держалась за обдирающую в кровь, холодную, жесткую поверхность ограждения. Правая нога лихорадочно искала, за что зацепиться. Кожаная подошва ее туфельки скользила по гладкому бетону. Нет, так не получится. А если попробовать опереться на узел?

Узел был вот тут, рядом. Света видела его, краем глаза заглядывая в ту сторону, заглядывая буквально на долю секунды, боясь поймать в поле зрения все то чудовищное пространство, от которого ее уже ничто не отделяло. Тут он был, сволочь, тут, родной, ну, вот же... Она чувствовала его ногой, но он, такой легкий, невесомый совсем – он ускользал от нее, не давался. Его можно было зажать, ухватить только обеими ногами, но вторая была занята, она держала ее на весу, и если она освободит ее, она тогда повиснет на руках, и тогда...

А вот что будет тогда – Света не знала. Выдержит ли она? Сумеет ли, держась только на одних руках, поймать не глядя эту проклятую простыню и уцепиться за нее ногами достаточно прочно, чтобы потом можно было освободить на секунду левую руку, отцепиться от бетона и ухватиться ею за ее импровизированный канат.

А рука эта, между тем, начинала уставать. И нога уже вроде как затекала. И главное, чем дольше она висела, тем тяжелее становилась. Еще немного, и она просто не удержит саму себя.

– М-м-м... Не могу!.. – простонала Света в полном отчаянии и еще немного съехала набок. Потом – еще чуть-чуть. Висеть стало совсем неудобно и стало казаться, что обратно, в случае чего, она уже не поднимется. Просто не хватит сил. От этого стало совсем уж страшно. Паника начинала разъедать остатки воли и сознания.

Известно, что именно страх и его родная дочь – паника – являются основной причиной гибели людей, попавших в трудную ситуацию. Но об этом легко рассуждать, сидя на диване, Свете же, каплей свисавшей с балконного ограждения, и так же, как эта капля, готовой вот-вот сорваться с тридцатиметровой высоты, было не до того. Дыхание ее, незаметно для нее самой, участилось, и каждый выдох ее теперь напоминал стон. Да это и был стон, готовый каждую минуту сорваться в вопль. Она сделала попытку подтянуться назад и это ей не удалось. Руки ее дрожали, и только побелевшие пальцы еще мертвой хваткой держали то, во что они вцепились.

– Ой! Ой, боже мой!.. Что это?! – женский вопль разорвал тишину и Света чуть не сорвалась от неожиданности. Но все-таки удержалась. Тело уже само, помимо ее воли боролось за жизнь. И пока еще ему это удавалось.

Это кричали внизу, на той самой лоджии, куда она хотела залезть. Видимо там уже проснулись хозяева и неожиданное зрелище в виде женской ноги, свисающей сверху, привело их в ужас. И тут вдруг раздался голос, громкий, но более спокойный. Мужской голос:

– Эй, там!.. Держишься? Еще чуть-чуть подержись. Сейчас я тебе помогу!

Послышалось какое-то движение, стук, возня и тот же голос произнес:

– Слушай, я тут стою под тобой. Не бойся. Поставь ногу мне на плечо. Только спокойно.

Света покосилась вниз и увидела под собой фигуру человека, высунувшегося наполовину наружу. Кажется он стоял на ограждении. И, главное, она, кажется, действительно, могла достать до него этой своей правой, болтающейся ногой.

Она осторожно двинула ее в ту сторону и нащупала, наконец, ощутила то, чего ей так не хватало все эти последние, такие длинные минуты – опору.

Снова из груди у нее вырвался стон, но это был уже стон облегчения. Сказать что-нибудь она сейчас не могла. Челюсти были сведены и не разжимались

– Так, встала? Давай, вторую ногу спускай. Смелее...

И она потянула ее, эту вторую ногу, ставшую словно бы чужой, непослушной и бессильной. Туфелька зацепилась за борт ограждения, но Свете было уже не до того. Она потянула еще и туфелька сползла с ноги и полетела вниз, туда, куда полетела бы, без всякого сомнения и сама Света, если бы не эта, неожиданно пришедшая помощь.

Теперь она вся была снаружи. И теперь ей ясно было, что ни за что не удержалась бы она, если бы по-прежнему висела сама.

– Ну, хватайся другой рукой за свою веревку, – подсказал ей голос снизу.

И она, с трудом разжав пальцы левой руки, тут же вцепилась в простыню.

– Ну, вот! Молодец. Теперь держись, а я потихоньку буду опускаться.

Глава 4

1

По каким только признакам не делили человечество: на черных и белых, белых и красных, умных и глупых, экстравертов и интровертов, мужчин и женщин, наконец. Среди всего этого многообразия есть и такой признак, также не обойденный вниманием дотошных исследователей человеческой природы: все мы делимся на тех, кто любит просыпаться рано, и тех, кому утро не приносит никакого удовольствия. В одной известной старой советской песне это разделение нашло свое выражение в просто-таки гениальной строчке: "...Любимая, что ж ты не рада веселому пенью гудка?". Тут вам и главный герой, полной грудью вдыхающий утреннюю свежесть, с оптимизмом предвкушающий предстоящий завтрак, полный сил, здоровья и энергии, и, как подсолнух, раскрывающийся навстречу восходящему солнцу. Но тут же незримо присутствует и его антипод – его любимая, стремящаяся укрыться под одеялом от реалий наступающего дня, уходящая как во внутреннюю эмиграцию в мир иллюзий, порождаемых сном разума.

Каждый из нас находится по ту или иную сторону этой невидимой границы. И выражения наших лиц по утрам непреложно свидетельствуют – по какую именно.

Выражение лица капитана Хватова с головой выдавало в нем человека, не испытывающего никакой радости по поводу начинающегося дня. Лег он уже за полночь, а телефонный звонок, поднявший его с постели, раздался в пять утра. Ни свет, ни заря обнаружился криминальный труп в их районе, а дежурный следователь, капитан Юсупов, внезапно попал в больницу, пострадав вместе с машиной в дорожно-транспортном происшествии когда возвращался с другого вызова. У него был открытый перелом ноги и сотрясение мозга. Он всерьез и надолго выбыл из строя, а кому-то надо же было... Вот его, Хватова, и выдернули из дома в такую рань. И не надо ждать извинений. Служба такая.

Честно говоря, Хватову хватало и своих забот. Вчерашние, безуспешно закончившиеся, поиски трупа убитого им хмыря не вселяли оптимизма, грозя неопределенными пока еще осложнениями. И именно их неопределенность угнетала больше всего.

Ехать, тем не менее, пришлось.

Ни место происшествия, ни вид жертвы ничем не поразили Хватова. Такое он видел много раз. Очевидная бытовуха. Ссора по пьянке, драка, подвернувшийся некстати нож...

Жертва пока оставалась неопознанной. Никаких документов у трупа не нашли. Был у него в кармане летнего пиджака бумажник и в нем около тысячи рублей. Остались нетронутыми на руке хорошие дорогие часы. В общем – не ограбление.

Да нет, что там говорить, явная ссора.

Была, правда, одна непонятность. Судя по словам медэксперта, совпадавшим с показаниями соседей, слышавших шум, убийство случилось часов в одиннадцать-полдвенадцатого. Обнаружен же труп был нарядом милиции, посланным в адрес по звонку. Звонивший представился соседом, фамилии не назвал, номер определить не удалось. И сказал этот сосед, что сейчас в соседней квартире шум, крики и, кажется, кого-то убивают. И было это где-то около полпятого утра, то есть через пять-шесть часов после того, как тут это все произошло на самом деле. К тому же никто из опрошенных соседей в совершении этого звонка не признавался. Все они в это время еще дрыхли, как дрых и сам Хватов, с той только разницей, что его подняли через полчаса, а им, соседям, дали поспать где-то на полчаса больше.

Самое занятное было то, что звонивший, тем ни менее, не соврал: и убийство было, и даже убийца, склонившийся над трупом и с руками, запачканными кровью убитого. Картина

совершенно ясная и недвусмысленная. Теперь, когда необходимые формальности были выполнены, место происшествия осмотрено, соседи опрошены и все необходимые протоколы составлены, пора было приступать к главному – допросу самого подозреваемого, который уже давно дожидался в обезьяннике их отделения.

Подозреваемый, по крайней мере по своему внешнему виду, вполне походил к этой роли. Перед Хватовым сидел немолодой уже, кряжистый и, по всему виду, физически сильный мужик, тертый, битый, с угрюмым, если не сказать – злобным, выражением на небритой физиономии. Его коротко стриженная голова была опущена, но серые глаза внимательно, пожалуй, даже слишком внимательно, наблюдали за ним, Хватовым из под набрякших, тяжелых век.

Мужик сидел спокойно, слегка скособочившись, прижав свои скованные наручниками руки к левому боку. С ним уже поработали опера, но, к сожалению, безуспешно. Задержанный молчал как Зоя Космодемьянская. Молчал он и сейчас, все так же пристально разглядывая сидевшего перед ним следователя.

Молчание затягивалось. Хватов уже сказал все, что можно сказать в такой ситуации и теперь так же молча смотрел на допрашиваемого, рассуждая про себя, не послать ли его снова на обработку. Что-то его смущало. То ли этот чересчур пристальный взгляд исподлобья, то ли... Что-то знакомое было в облике сидящего перед ним человека. Где-то они явно встречались. Но в памяти пока ничего не всплывало.

– Простите, гражданин начальник, – вдруг, впервые за все время допроса, подал голос подозреваемый. Голос был низкий, с хрипотцой, но слова он произносил внятно. Хватов встрепенулся – ну-ну!.. Пошло, кажется, дерьмо по трубам. Но тут подозреваемый вдруг выдал нечто совершенно ни с чем не соотносящееся: – Вас не затруднит встать. На минутку... – добавил он, чуть подумав.

– Что?.. – только и смог выдать из себя удивленный Хватов.

– Встаньте, пожалуйста, – повторил мужик свою странную просьбу, – и пройдите пару раз вот тут, вдоль стенок.

– Зачем?

– Я объясню. Только вы сперва сделайте это, что я вас прошу.

Хватов нехотя встал из-за стола.

– Ну?..

– Так, хорошо... Повернитесь-ка боком.

Подозреваемый смотрел на него пристальным, УЗНАВАЮЩИМ взглядом, чуть подавшись всем телом в его сторону.

– А скажите, – вдруг спросил он, – вы-то меня не узнаете?

– А мы с вами встречались? – вопросом на вопрос отреагировал Хватов.

– У вас есть машина? – вечер вопросов без ответов продолжался.

– Какая тебе-то разница?

– Значит, есть. – сделал вывод подозреваемый. – "Жигули"? И, по моему, девятка?

– Ну, допустим...

– Все-таки, это были вы.

– Слушай, ты мне... – начал было Хватов. Этот тип, похоже, собирался валять Ваньку и пудрить ему, Хватову, мозги.

– Подождите, капитан! – неожиданно резко и властно прервал его подозреваемый. Он вел себя так, будто роли их вдруг поменялись. – Не надо лишнего базара. Сейчас мы во всем разберемся. Вчера вы на своей машине ездили за город, так?..

И тут до Хватова дошло. Так вот, где он его видел. Мельком, правда, и в потемках. Потому и плохо запомнил. А этот-то его видел, надо полагать не в пример лучше, в свете фонарика...

– Ездили, да? – продолжал СВОЙ допрос подозреваемый.

Второй. Теперь Хватову это было ясно. Тот самый, второй.

– Молчите, гражданин начальник? – теперь в его голосе явно читалась издевка. – Ну, что ж... Я вам сам все расскажу.

Подозреваемый уселся поудобнее на своем стуле, выпрямился, даже откинулся на спинку. Наручники явно мешали ему чувствовать себя совсем уж непринужденно, но глаза его заметно ожили и повеселели.

– Итак, как говаривал Эркюль Пуаро, вчера вечером вы с неизвестной мне, но наверняка очаровательной, спутницей совершили вылазку на природу. В некоем месте, которое знаем мы оба, вы решили заняться с ней любовью. Говоря современным языком – оттрахать ее.

Хватов сел на свое место. Теперь уже он слушал. Слушал внимательно, настороженно, как опытный преступник слушает следователя в надежде, что тот проговорится, ляпнет лишнего и тем самым даст ему хотя бы хвостик той информации, что так ему необходима.

А тот продолжал.

– К сожалению, романтическое свидание получилось не совсем таким, как задумывалось. К вам подошли какие-то люди и стали требовать у вас документы. Ха!.. Это у вас-то! Вы же сами привыкли их требовать у других, а тут – у вас! Форменное безобразие! И вы в возмущении убили одного из них. Правильно? – подмигнул он Хватову и зло осклабился. – Убили бы и второго, да промазали. На свою беду. И, как вы догадались, гражданин начальник, вторым-то был я. Ну, что, верно излагаю? – спросил он, чуть помедлив.

– Не совсем, – отозвался Хватов. – Но не беда. Продолжайте. Интересно.

– Ну, еще бы не интересно. Но это только начало. Знаете, что было дальше, когда вы уехали?

– Догадываюсь. Вы утащили труп.

– Точно! – обрадовался подозреваемый. – Я так и думал. Вы потом вернулись за телом моего безвременно погибшего товарища. Концы в воду хотели, да? Ан, тела-то и нет! Тю-тю!.. Вы, может, даже подумали, что не убили его. Вы, может, подумали, что просто оглушили его, и он потом встал, да и ушел? Так вот, хрен вам, гражданин начальник, убили вы его. Досмерти. А это уж я вот, взял да и упер его оттуда. Сам не знаю, зачем... Но это и не важно.

– Ну, хорошо, а что важно? – перебил его Хватов, чувствуя, что безнадежно упустил инициативу в этом разговоре.

– А важно, уважаемый, вот что. Когда этого парня, Ордынцева, убивали, я был там же, где были и вы. Вместе мы были. Алиби у меня такое. Его же убили-то раньше, чем меня взяли. Я-то тоже не маленький, кое-что видел. Труп уже несколько часов пролежал, а значит, что?.. А значит, резали его вечером. Ну, а вечером мы с вами...

И он выразительно посмотрел на Хватова.

– Так, подожди, – выпрямился на своем стуле Хватов, – ты как его назвал? Ордынцев?

– Ага!.. – обрадовался подозреваемый. – Так вы еще и личность его не выяснили. То-то мне повезло, а то вместо вас меня бы уже давно генералы допрашивали. Да, Ордынцев. Сын кандидата в губернаторы.

– Ну, хорошо, допустим, ты его не убивал. Но скажи мне тогда, – повысил голос Хватов, – какого черта ты там делал?

– Что-то вы все не о том, капитан. Что я там делал... Да какая тебе разница... – Хватов услышал это ТЕБЕ, но не прореагировал. Роли действительно менялись. – Дело вовсе не в этом. Дело в том, что если ты и дальше будешь раскручивать меня на роль убийцы, мне просто придется, – он сделал ударение на этом слове, – рассказать о том, как, где, когда и при каких обстоятельствах мы встретились. А отпереться у вас не получится, знаете, почему?

– Почему? – механически спросил Хватов, чувствуя, как силы покидают его. На лбу выступила испарина.

– Дело в том, что когда вы уезжали, я увидел номер вашего автомобиля. У меня плохая память на числа и я записал этот номер на бумажке, а бумажку эту сунул в нагрудный карман рубахи убитого вами парня. Теперь, когда его найдут, по этой бумажке вас быстро вычислят. Точно?

Он замолчал, внимательно глядя на Хватова. Молчал и Хватов.

– Я примерно догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь. – продолжил подозреваемый. – Ты думаешь, как бы избавиться от меня потихоньку, да? Мало ли способов... Я-то знаю. Но я тебе скажу: тело моего приятеля скоро найдут. Я его неподалеку от шоссе спрятал. Тебе надо не от меня, а от него избавляться. А помочь тебе в этом могу только я. Ну а ты теперь точно знаешь, что это не я зарезал Ордынцева. Значит, должен помочь мне. Видишь, как мы теперь... просто-таки скованные одной цепью.

Да, это надо же, просто сказка какая-то!.. – думал про себя Вадим, молча глядя на то, как этот следок переваривает все это, только что им скушанное. – Просто какое-то чудовищное везенье. Впрочем, как и невезенье. Уйти бы ему из той проклятой квартиры ну хоть на пять минут раньше!.. Вот только как бы он ушел без Викиных документов? Чертова сумочка!.. А, кстати, похоже, эти-то тоже ее не нашли. Во всяком случае, пока ни слова про нее не было сказано. Может, ее и правда там не было?

Ну, а насчет везенья – тоже особо-то губу оттопыривать не стоит. Еще не известно... Конечно, этот капитан попал в историю, вон как его крючит. Понимает, стало быть... Но сможет ли он что-нибудь сделать? Во всяком случае, докладывать начальству о вновь открывшихся обстоятельствах он наверняка не побежит. А что тогда?

– Так, ладно, – нарушил, наконец, тишину капитан, – скованные, говоришь?.. Может быть, может быть... – он встал, неторопливо обогнул свой стол и сел на его краешек прямо напротив Вадима. – Ну, что ж... Раз уж мы оба с тобой в дерьме, давай тогда вместе и думать, как нам из него вылезать.

Ну, давай, давай... – все так же молча смотрел на него Вадим, – Это все присказка. Давай, рожай, что ты там надумал.

Но, похоже, ничего пока капитан не надумал.

– Познакомимся все же? – сказал он.

– Давай. Меня зовут Вадим. Фамилию пока не скажу.

– Почему?

– Да так...

– Ну что ж, Вадим, ты мне все-таки расскажи, что ты там делал. А то, знаешь, информации слишком мало, чтобы что-то решить.

– Ладно, – согласился Вадим. – В самом общем виде. Без имен. Я там находился по просьбе одного человека, который без всякой вины, случайно оказался замешан в это дело.

– И что ты там делал?

– Да так... Искал кое-что.

– За одно ножик зачем-то протер... – задумчиво проговорил капитан. – Ну, и нашел?

– Нет.

– Та-ак... Ты думаешь, мне это что-нибудь дает? Ни хрена мне это не дает. Ну ладно, ты тут не при чем, допустим... Хотя, какого черта?!.. Ладно... не при чем. Примем это за факт. Не ты ножиком того парня кромсал. И не тот человек, который тебя туда зачем-то послал... Кстати, что же это за сволочь такая, хм... Послал, как пса на минное поле. Сам побоялся?

– Вот что, капитан. – Вадим резко встал и теперь стоял в одном шаге от следователя, глядя на него сверху вниз. Глаза его зло прищурились. Руки, скованные наручниками он произвольно поднял на уровень груди. – Давай об этом не будем. Не зли меня, капитан. Обоим хуже будет, сам понимаешь...

Капитан непроизвольно отшатнулся назад, но со стола не встал.

– Понятно... – процедил он.

– Что тебе понятно?

– Сядь. – Капитан принял прежнюю позу и махнул рукой в сторону Вадима. Тот перевел дух и сел. Ссориться было невыгодно им обоим.

– Я так думаю, судя по твоей реакции, – продолжил капитан, – что этот таинственный некто – женщина. Прав я?

Он замолчал и уставился на Вадима.

– Молчишь? Ну, конечно, женщина. Вероятно, она была с этим Ордынцевым, когда его убили. Значит, она свидетель? Ну, что ты молчишь? – взорвался капитан, – Ты что, не понимаешь, что единственным выходом для нас обоих будет поимка настоящего убийцы? Ну?!. А если понимаешь, так помоги же мне. Не будь идиотом. Ты же что-то знаешь...

– Подожди, капитан, – перебил его Вадим. – Ты, конечно, прав. Найти настоящего убийцу – это было бы самое лучшее... Сразу бы все стало на свои места. Ладно, только ты дай мне подумать. Я не хочу, чтобы невинный человек пострадал. А вы это можете, – добавил он тихо, – я-то знаю.

2

Что такое судьба? Это что-то вроде климата. Да, пожалуй, что так. Кто-то родился в заполярье, кто-то в субтропиках, кто-то коротает век овеваемый сухими, злыми ветрами песчаных пустынь. И можно, конечно, вдруг взять и все поменять – судьбу, климат – но, Боже мой! Какое хлопотное и трудное это дело, причем всегда с не вполне предсказуемыми результатами. Поэтому-то и живем мы с вами в основном там, в том климатическом, научным языком выражаясь, регионе, где родились и выросли. Хоть порой и клянем его, и, зачастую, вполне справедливо.

Мы умеем приспосабливаться, вот в чем дело. Опыт нашей жизни и жизни наших предков подсказывает нам, как выжить, и не просто выжить, а комфортнее всего прожить хоть в вечных снегах, хоть под тропическим солнцем. И никакая судьба, никакой климат, как правило, не мешают нам счастливо дожить до старости и умереть как приличные люди от вполне естественных причин.

Но любой опыт хорош только в условиях стабильности. Бывают, однако, еще и стихийные бедствия. Налетит неведомо откуда злой вихрь и выбросит человека из уютных рамок его привычного и обжитого существования, и не поможет ему никакой опыт, не спасут никакие стены, не выручат друзья, и только пожалеют родные.

Сравнение, конечно, чертовски банальное, но что делать, если это действительно так: Вика чувствовала себя как человек, упавший с борта корабля в воду. Как пассажир круизного лайнера провожает взглядом удаляющиеся от него яркие, праздничные огни, так и Вика прощалась со всей своей прежней, такой, оказывается, хорошей, такой легкой и безоблачной жизнью.

Она вышла из дома, абсолютно не имея ни малейшего представления о том, что же ей делать дальше, куда идти и кто же она теперь такая.

Она шла, рассеянно глядя по сторонам, а вокруг нее уже кончалось утро, и начинался обычный будничней, жаркий летний день. Открывались магазины, киоски поднимали свои железные ставни, с металлическим стуком и скрежетом проезжали трамваи, мимо нее торопливой походкой проходили люди с озабоченными утренними лицами. Солнце отражалось в оконных стеклах, солнечные зайчики прыгали по головам прохожих и блестящим крышам машин.

Вскоре Вику зачем-то занесло на вокзал. Должно быть, подспудно вызревавшая в голове идея бегства привела ее сюда. Стоя перед монументальной доской с расписанием поездов, Вика вспомнила, что паспорта-то у нее нет, а стало быть, и билет ей не продадут. Да и куда ехать?..

Ехать ей и в самом деле было некуда. Жила, правда, бабушка в далеком Иркутске, но ведь если ее будут искать, то в первую очередь именно у родственников. Вспомнят не только бабушку, но и всех тех, кого она и сама-то не знала или забыла. В гостиницу ей тоже не устроиться, да и денег у нее не столько, чтобы думать о гостинице.

Ей вдруг мучительно захотелось еще раз взглянуть – ну, не на ту квартиру, конечно, она понимала, что это невозможно, но на тот дом хотя бы, на тот подъезд. Зачем ей это нужно, Вика сама не понимала. Просто потянуло в какой-то странной, мистической надежде: а вдруг!..

И она поехала туда.

На лавочке, где она пряталась ночью, дожидаясь Вадима, теперь сидела какая-то пожилая тетка, выгуливающая младенца. Младенец с важным видом неуклюже вышагивал рядом, держа в руке совочек. Вокруг подъезда все было тихо и спокойно. Никто не стоял, обсуждая имевшее тут место происшествие. Милиция давно уехала. И делать Вике здесь, оказывается, было решительно нечего.

Вдруг она вспомнила про ключи, отданные ей Вадимом. Господи, там же, кажется, кто-то остался заперт! И вместе с этим испугом и досадой к Вике пришло облегчение. Теперь, по крайней мере, у нее была цель. Нужно было срочно выпустить этого человека пока он там... Что?.. Ну, мало ли, что. А вдруг дверь ломать начнет?! Да, кстати, там и переждать хотя бы несколько дней можно.

Дальше этих нескольких дней Вика заглядывать не решалась. Все ее обозримое будущее сжалось до непривычно крохотных размеров, в масштабе которых неделя казалась уже немислимо долгим сроком.

Перед знакомой дверью Вика остановилась, прислушалась. Никаких звуков из квартиры не доносилось. Она взялась за дверную ручку и слегка потянула ее на себя. Дверь не открылась. Замок, по крайней мере, был цел. Вика достала ключи и, почему-то стараясь делать это по возможности бесшумно, открыла дверь.

– Явился, наконец, сукин сын! – встретил ее в прихожей голос из-за прикрытой двери, которая, как знала Вика, вела в гостиную. – Ну, ты, блин, шляешься где-то!.. Принес хоть?..

С этими словами дверь распахнулась и на нее в изумлении уставился незнакомый ей человек.

Если бы нужно было одним-единственным эпитетом охарактеризовать возникшую в дверном проеме личность, то, пожалуй, вернее всего подошло бы слово "помятый". Этот тип, оставленный тут Вадимом до востребования, видимо только что проснулся после долгого и беспокойного сна, причем спал он, очевидно, не раздеваясь. Его и без того заметно складчатое лицо с одного боку сохранило след, оставленный подушкой. Не слишком еще длинные, но явно запущенные и давно не мытые волосы неопределенного цвета были тоже примяты и всклокочены. И уж, конечно, мят был весь его небогатый наряд – светлые брюки, черная футболка.

Увидев Вику, помятый заметно растерялся. Он замолчал на полуслове, но продолжал стоять в дверях, довольно бессмысленно глядя на нее и машинально продолжая почесывать слегка выпирающий из-под футболки поросший курчавыми волосами животик.

Если бы Вика не была предупреждена о присутствии в квартире постороннего человека, она тоже, конечно, растерялась бы. Но тут она просто сказала:

– Здравствуйте.

– Привет, – отозвался помятый, – Ты кто?

– Вика.

– Та-ак... – соображал гость, рука его переключалась с живота на затылок. – А Вадим где?
– Вадим?.. Вадим пока... задержится. – Вика непроизвольно вздохнула. – Он вот дал мне ключи и просил зайти, выпустить вас.

– Ага... – соображал помятый. Он попятился, давая Вике возможность пройти следом за ним в гостиную и, тем самым, как бы утверждая ее в правах если не хозяйки, то, по крайней мере, человека, которому также можно находиться на этой территории, заходить в комнаты и прочие помещения, садиться на стоящую тут мебель, дышать запертым в этом объеме воздухом.

– Выпустить, значит... – рассуждал он, стаскивая с обитого коричневой кожей дивана какую-то подстилку, на которой он, видимо, и спал, комкая ее и зашвыривая в угол. – А чего меня выпускать? Мне и тут хорошо. Мне, дорогая Вика, идти-то отсюда некуда.

– Почему некуда? – растерялась Вика. – Вы же...

– Слушай, – перебил ее помятый, – мне сейчас не до разговоров. Ты лучше, знаешь, что... – он чуть замялся. – Тебе Вадим деньги для меня не передал?

– Деньги?.. – удивилась Вика. – Какие деньги? Нет, он...

– Ну ладно, – перебил ее, не дослушав помятый, – это мы с ним сами разберемся. Ты это, тогда... ты... У тебя рублей пятьдесят не найдется?

– Пятьдесят? – переспросила Вика. – Пятьдесят найдется.

– Ну, ты тогда дай мне... заимообразно. Вадим потом отдаст.

– Да, пожалуйста.

Вика открыла сумочку и, не доставая кошелек, принялась разыскивать там пятидесятирублевую бумажку. Почему-то ей не хотелось, чтобы этот человек видел ее деньги.

– Вот, возьмите.

– Ага!.. помятый несколько оживился. – Вот хорошо. Тогда я сейчас... Дверь мне открой, пожалуйста.

3

Что касается Шкета с Блохой, то положение у них было, пожалуй, еще похуже, чем у Вики. Если у той еще оставалась надежда, пусть и смутная, что все-таки как-то разберутся, то ни Шкета, ни Блоху подобные мысли не грели и не утешали. Никто ни в чем не будет разбираться, да и не в чем тут разбираться. Они и в самом деле виноваты – заперли дело, подставили людей, и если эти люди теперь спустят с них шкуру, то будут совершенно правы.

Выйдя из того дома, они некоторое время молча брели куда-то, не задумываясь о направлении и не выбирая дороги. Им было все равно куда идти – все пути вели в никуда.

В конце концов, их внимание привлек светящийся островок круглосуточного киоска, где хмурый ночной продавец сунул им через решетку бутылку водки, судя по цене – подпольного разлива. Но в данную минуту это меньше всего волновало приятелей. Взяв еще пару одноразовых стаканчиков, они устроились тут же, под навесом и быстро, без всяких там тостов и не чокаясь выпили по стакану этого горького, но необходимого лекарства.

После второго на душе и впрямь стало полегче и даже стали прорисовываться кое-какие перспективы.

– Кент у меня живет в Архангельске, – сказал Шкет, разлив еще понемногу и вертя в руках бутылку с остатками жидкости. – На сухогрузе ходит. Вот житуха!.. он уже полмира объездил. А что, слушай!.. Может рвануть к нему, а?.. Про него никто не знает. Я с ним в прошлом году в Крыму скентовался. А?!.. – он толкнул кулаком в бок Блоху, понуро сидящего рядом.

– А если он в плавании? – спросил Блоха. – Да и вообще, кто нас возьмет? На буксир, разве что, палубу драить. Чтоб в загранку ходить, надо училище кончить, да и то не сразу берут. Желающих много.

– Вообще-то, да. – вынужден был согласиться Шкет. – Помнится, он, точняк, рассказывал, что два года все по северам ходил – ну, там, Тикси всякие, шмикси...

– Когти-то рвать надо, – продолжал рассуждать Блоха. – Тут нам больше не жить. Вот только – куда? И денег ни хрена нет.

– Тачки загоним, – пришла идея Шкету. – Я за свою пять штук отвалил, а она все семь стоит. Если по-быстрому, можно штуки за четыре...

– Эх, тупой ты все-таки, Шкет, – тяжело вздохнул Блоха. – Да ты не обижайся, – добавил он, видя, как вскинулся приятель, – нам сейчас нельзя друг на друга обижаться. Да я и не хотел тебя обидеть. Я так просто... Ну, ты сам подумай: мы на чем сюда приехали?

– Ну, тачку поймали...

– А почему не на твоей, к примеру?

– Так моя, ты же знаешь!.. У нее же крыло помято. Еще с того раза, ну, ты помнишь...

– Ну, вот видишь? И моя у Васьки-Токаря в гараже. Кулибин херов. Только обещать... Так что тачки наши, Шкет, считай – тю-тю. В заложниках тут останутся. Забудь про них. И вообще, у нас есть только то, что на нас сейчас надето и что лежит в карманах. Нам даже домой зайти нельзя будет.

– Ты думаешь?..

– А хрен его знает. Ты, конечно, позвонил, что все в порядке. А где гарантия, что они уже не проверили? И вообще, может нас от самого дома пасут.

– Зачем?

– Да так, на всякий случай.

Шкет посмотрел на приятеля.

– Знаешь, брат, так ведь и рехнуться можно. Ну, в смысле, если бояться все время. Если пасут, значит все, последнюю пьем. Но только это вряд ли.

Когда бутылка закончилась, Блоха сказал.

– Спать хочется.

– Ну и что?

– А что, нам тут до утра сидеть?

– А куда идти-то? – возразил Шкет. – Домой нельзя, к телкам завалиться – бабок нет.

– Да ладно, все фигня!.. – обнял за плечи грустившего друга Блоха. – Прорвемся! Свет не без добрых людей. Сейчас ломанем на Строительную, там в общежитии переночуем.

– А пустят?

– А мы и спрашивать не будем. Там у меня одна знакомая живет, на втором этаже. Она нам окошко откроет. А до второго этажа там добраться – делать нечего.

– Ну, давай, – согласился Шкет, – ему, правда, совсем не улыбалось лезть куда-то на второй этаж, да еще и тащиться ради этого к черту на кулички. Он чувствовал себя уставшим и вялым. Он охотно лег бы прямо тут, на скамейке. А что?.. тепло.

А Блоха продолжал:

– У тебя дома-то деньги есть?

– Ну, есть немного. Штук пять-шесть.

– Зеленых?

– Да нет, наших.

– Да-а... ну ладно. На безрыбье, как говорится, сам раком станешь. Завтра позвонишь матери, скажешь, чтобы вынесла. Ну и паспорт, конечно, шмоток там чуть-чуть, на первое время.

– Ладно. – согласился Шкет. – Ну, пойдём, что ли?

– Сейчас... Я вот знаешь, что думаю? Надо будет Светке позвонить завтра.

– Какой Светке?

– Какой-какой!.. Этой, которая с Удавом... Мы же с ней друзья. В одном классе учились. Надо будет узнать у нее, как там... Ну, что там Удав, и вообще... много ли шухеру. А вдруг как-нибудь?.. А?..

И Шкет с удивлением почувствовал по голосу приятеля, что тот, кажется, все-таки на что-то надеется. И от этого ему и самому стало вроде как чуть-чуть полегче.

А что?!. А вдруг и правда...

4

– Та-ак... Ну, что же, теперь можно немного и подумать. Спокойно и не торопясь.

Хватов сидел за своим столом. Перед ним лежал чистый лист бумаги, ручка, но записывать он, похоже, ничего не собирался. Взгляд его был устремлен в пространство перед собой, в какую-то точку, находящуюся гораздо дальше оклеенной дешевыми обоями перегородки. Вадима он отправил пока в камеру и теперь был один. Губы его шевелились. Тихо, почти неслышно он разговаривал сам с собой.

Он думал.

Итак, что мы имеем... Некая девица приглашает с собой... Нет, не так! Начнем с того, что эту самую девицу приглашает на день рождения ее подруга. Пока все нормально, но!.. Эта самая подруга зачем-то хочет, чтобы она привела с собой этого самого, покойного ныне Ордынцева-младшего. Тоже, как будто бы, ничего удивительного, но – опять-таки, но...

Вадим говорит, что та подруга вроде как не могла знать о том, что этот Ордынцев ухаживает за нашей девицей. Почему так, к сожалению, не знаю. Остается верить Вадиму. Допустим...

Значит, она не может знать, но откуда-то знает. И, вероятно, нужен им именно он. Ей, или кому-то еще. А по другому подойти к этому парню они не могут. Ладно, вытянули они его на этот самый день рождения, и что дальше? А дальше эта подруга со своим парнем увозят нашу парочку в ту самую квартиру, где...

Увезли и, опять-таки под благовидным предлогом, оставляют вдвоем. После этого Ордынцева убивают. Девица утверждает, что спала. Уверена, что ей подмешали снотворное. Интересно, ей только, или им обоим?

Самый главный вопрос: кого хотели убить – ее или его? Ну да! Вопрос некорректен. Могли хотеть и обоих, а могли и никого. Но ведь убили? Что убили – это факт, а вот что хотели убить, это не факт. Это пока домыслы.

Убили, да... Причем убили жестоко, в сердцах, что называется. Судя по состоянию комнаты, там была драка. Значит, внезапность исключается. Значит, пока эта девица спала, рядом дрались, а она ничего не слышала. Опять же – одно из двух: или правда снотворное, или врет.

Сама она? Это вряд ли. Явно там не женских рук дело. Именно потому, что была драка. С ней-то он бы справился, даже если бы она на него с ножом бросилась, парень здоровый. Ее я, правда, не видел, но вряд ли она чемпионка по самбо. Хотя, конечно, бывают девки... Но все же пока оставим этот вариант.

Так... что-то я запутался. Ушел в сторону. Надо начать сначала и с главного. Итак, их оставили вдвоем. Отбросим случайность и благовидный предлог. Почему? Да потому, что тут все ясно. Подруга не знает Ордынцева, но приглашает именно его. Это раз. С праздника их увозят двоих, и больше никого. Это два. Привозят в квартиру, которая по словам подруги куплена ей, хотя на самом деле она вообще ничья – куплена, как мы это уже знаем, на подставное лицо, воспользовавшееся краденым паспортом. Значит квартира куплена специально для этого случая. Не поскупились, хотя, правда, квартира и дерьмовая, честно говоря. Но все же денег стоит. Я, например, и такую не потяну. А тут... Значит, очень нужно было.

Теперь еще: люк на крышу. Кто-то его старательно подготовил. Видимо, планировался уход через него. Почему не воспользовались? Ну, наверное, не возникло необходимости. Ночь, поздно, на лестнице никого... Зачем делать сложно, когда можно просто? Но предусмотрено-то было. Все продумано.

Итак: квартиру купили, пути отхода продумали, заманили, оставили... Что дальше? Дальше все странно. До сих пор все идет четко, рационально, по какому-то плану... До какого-то момента. Да-да! Вот именно!.. Как будто начинали одни, а...

А начинали люди, явно имеющие какую-то цель. И уж наверняка их целью не могло быть убийство этого парня. Потому что иначе все можно было сделать гораздо проще и дешевле.

То есть, что получается: люди чего-то строили-строили, старались-старались, а потом кто-то пришел и – что?.. все испортил? Так, что ли?..

Так чего же они хотели? Для чего весь этот огород? Ордынцев – сын Ордынцева. Готов лечь на рельсы, если все это не связано с его папашей. Папаша – кандидат, причем – один из двух, за которых, собственно, все и будут голосовать. Остальные не в счет. Не за этого же, в самом деле, гробовщика... Или этого, как его?.. Ну вот, даже и фамилию не вспомню.

Так-так! Ордынцев и Зуев. Зуев против Ордынцева. Зуев, Зуев... Что я про него знаю? Зуев – это строительство. Все большие стройки последних лет – это все его рук дело. В принципе – ничего криминального, но при этом почему-то теснейшая связь с группировкой Князя.

Князь... А что Князь? Что у нас, собственно, есть на Князя? Ни-че-го! Кроме того, что его то и дело видят возле Зуева. Ну и что? Как говорил Остап, джентльмен в обществе джентльменов делает свой маленький бизнес. И что мы о нем знаем? Довольно мало – все на уровне слухов и непроверенной агентурной информации. До девяносто пятого был бригадиром у Казбека. В девяносто пятом арестован в Москве по обвинению в организации заказного убийства. Через полгода отпущен. Вернулся в Добрынинск к тому же Казбеку. Вскоре Казбека убивает его же охранник. Из-за бабы. И во главе казбековских становится Князь. К удивлению всей добрынинской братвы.

Да, – вспомнил Хватов, – они тогда все ожидали основательной войнушки, но... ничего так и не произошло. Никаких стрелок, никакого мочилова. Правда очень странно помер Ваня-Сибиряк, Клим очень вовремя попал в автокатастрофу, Белый уехал в столицу, да там и пропал с тремя помощниками. Пытались было воры предьяву Князю сделать, да дальше разговоров дело не пошло. А с самого Князя – как с гуся вода. Весь такой белый и пушистый. Открыл лавочку себе, магазином торгует... Ну, магазином-не магазином, стройматериалами – тут, положим, у него с Зуевым есть общий интерес, хотя, по слухам, и не только тут.

Смотри-ка какая цепочка выстроилась: Ордынцев-младший, Ордынцев-старший, Зуев, Князь... Но зачем?! Зачем тому же Зуеву убивать сына Ордынцева? Чего он этим добился? Ну, можно еще придумать, чтобы этого самого сына похитили. Заставить таким образом Ордынцева снять свою кандидатуру. Но это же полная чушь! Беллетристика. Всем все будет известно, и все ясно. Ну, какой болван проголосует за откровенного бандита? Да хоть золотом осыпь. Золото возьмут, а голосовать не станут. Нет, это не вариант.

Может, надеялись, что он эту девчонку изнасилует? Ей – снотворного, ему – наоборот, возбуждающего чего-нибудь. А что? Вот это уже больше похоже на правду. Раздуть это дело накануне выборов. Ордынцев – насильник! Очень хорошо. А какой именно Ордынцев, ну – это уже вопрос второй. Как в той прибаутке: то ли Иван Иваныч украл, то ли у Ивана Иваныча украли...

Может быть, может быть... А потом что-то сломалось.

В любом случае, раскрутить этот клубок можно только через эту самую подругу. А ее можно найти через ту девицу, подругу покойного. А вот ее... А вот ее – только через этого Вадима. А он будет молчать. До конца. Он, к бабке ходить не надо, запросто заложит меня, но ее он не выдаст. Ни за что.

Ну, и что прикажете делать?

5

Чем вернее истина, тем замусоленнее и истрепаннее она от частого употребления. Как хорошая книжка. Что может быть банальнее утверждения, что надежда умирает последней, и человек жив пока она его не покинула. Только то, что утопающий хватается за соломинку.

Надежда...

Вот эта самая надежда, эта по кошачьи живучая тварь, проснулась, ожила и зацарапалась своими коготками где-то в потаенной глубине Викиного сознания.

И надежда эта была связана с человеком, которого звали Геннадий Васильевич. С тем самым основательно помятым типом, которого Вика обнаружила в квартире Вадима.

Исчезнув с взятыми у Вики деньгами, помятый отсутствовал недолго. Все-таки он был местный житель, и знал кратчайшие пути до спасительных источников живительной влаги.

С бутылкой в руках он молча и деловито проследовал на кухню, откуда вскоре донесся характерный звук, который издает стеклянный сосуд, соприкасаясь с другим стеклянным же сосудом. И вскоре после этого Вадимов сосед вновь появился в гостиной. Лицо его заметно ожило и посвежело, даже как будто немного разгладилось. Дыхание его, правда, несло с собой аромат только что употребленного продукта, зато взгляд стал живым и осмысленным.

– Ну вот, совсем другое дело, – без тени смущения констатировал он, усаживаясь в кресло. – А теперь позвольте представиться: Геннадий Васильевич. Я тут живу, – счел он необходимым внести ясность в свой статус, – этажом выше.

– Очень приятно, – в полном соответствии с принятым этикетом отреагировала Вика.

Некоторое время они посидели молча, разглядывая друг друга – Геннадий Васильевич внимательно и в упор, словно некий экспонат, выставленный на витрине, а Вика – украдкой, застенчиво бросая косые взгляды. Этот пристальный взгляд смущал ее. И вообще... Она, честно говоря, рассчитывала, что этот человек обрадуется, что его выпустили, и уйдет, оставив ее одну. Однако, похоже было, что именно этого-то он делать и не собирался.

– Знаете, что, – сказала Вика, устав от этого напряженного молчания, – схожу-ка я на кухню, посмотрю, что там можно приготовить на завтрак. А то я, честно говоря, со вчерашнего дня ничего не ела.

Из еды в холодильнике нашлись сосиски и буханка черного хлеба. Приготовив этот немудрящий холостяцкий завтрак, Вика позвала из гостиной Геннадия Васильевича. Геннадий Васильевич ломаться не стал и трапезу своим присутствием удостоил.

– Эх, горчицы нет! – посетовал он, окидывая взглядом стол.

Он взял в руку бутылку, в которой оставалось еще около двух третей содержимого, взглянул на Вику и, отчего-то вздохнув, решительно поставил бутылку обратно на стол, после чего встал и молча вышел из кухни.

Вернулся он неся в руках две маленькие водочные рюмочки.

– Вы меня простите, Вика, – сказал он, слегка дрожащей рукой разливая водку, – по моему вам это сейчас нужно. Я не знаю, что там у вас случилось, и не хочу знать, – добавил он торопливо, – это не мое дело... Я вообще в чужие дела не лезу, своих хватает. Да... Но вообще-то... И не бойтесь, с одной рюмки не сопьетесь и не отравитесь. Да я и не собираюсь вас спаивать – больно нужно! И так от сердца отрываю. Ну, давайте... пусть все плохое пройдет. Пусть только хорошее останется!

Он поднял свою рюмку и подождал, пока Вика не подняла свою. Они чокнулись.

Пить водку Вике совсем не хотелось. Она ее не любила и старалась избегать, но тут решила, что одна рюмочка в качестве лекарства, пожалуй, и в самом деле не помешает. Она

зажмурилась и выпила, не испытав при этом, как ни странно, никаких неприятных ощущений. Наоборот, очень скоро она почувствовала как теплая волна поднимается откуда-то из глубины организма, как будто сделанный ею глоток разбудил дремавший там вулканчик, и теперь он заработал, согревая ее.

Геннадий Васильевич тем временем уже успел налить себе и опорожнить вторую. Пить такими цыплячьими дозами он давно отвык.

– Да вы ешьте, ешьте, закусывайте. – уговаривал он Вику, цепляя вилкой одну из горкой лежащих перед ними сосисок. – Первый шаг в победе над пьянством – это закуска!

Поев они так и остались почему-то на кухне. И может быть именно поэтому – кухонный уют поспособствовал – беседа приняла доверительный характер.

А он, оказывается, симпатичный, – решила про себя Вика, уже гораздо смелее разглядывая сидящего напротив человека. – Пьяница, конечно, но это ведь... Мало ли... Вон, допустим, тот же Есенин... А Рубцов? А Шукшин? Высоцкий... дядя Леня, наконец. Она вспомнила непутевого папиного младшего брата, давно уехавшего куда-то на Дальний Восток. Он ей нравился. У них была тайная от ее родителей дружба. Мама не любила дядю Леню и не одобряла его к ним визиты. Из-за этого они с папой иногда ругались. Шепотом. Чтобы Вика не слышала. Но она все равно все знала – знала, что дядя Леня пьяница, что он лентяй и оболтус, и что добром он не кончит она тоже знала, хотя тогда еще и не очень понимала, что это значит. Ее лично он вполне устраивал. Он был высокий, красивый, сильный и добрый. Он понимал ее. Если он приносил с собой какую-нибудь куклу в подарок, то это была именно такая кукла, какую ей хотелось, и потом эта кукла долго жила у нее и не надоедала. И с ним было хорошо, Вика рассказывала ему про свои дела, свои радости, печали и заботы и ему было – она видела это, – ему точно было интересно и, главное, все-все понятно. И он совершенно искренне радовался и огорчался вместе с ней.

Вадим чем-то напоминал ей его. Может быть, именно поэтому она и сошлась с ним. И вот этот, сидящий сейчас перед ней, Геннадий Васильевич – что-то в нем тоже было от того давнего, детского ее дяди Лени. И не только то, что он тоже пил.

А Геннадий Васильевич тем временем рассказывал Вике про свои печальные дела:

– Вот это, Вика, чтоб ты знала, – говорил он, – и называется кинуть человека. Нет, ну ты сама подумай: я же ему поверил, я же ему, чтобы стройку на зиму не останавливать, считай, весь ноль за свой счет сделал. Деньги занял, блоки купил, кирпич, цемент, арматуру, технику нанял – один экскаватор мне в такую копейку влетел!.. И ведь сделал! И что? – Геннадий Васильевич горестно развел руками. – Этот мерзавец продает участок и уматывает, хрен его знает, куда! А новый хозяин мне говорит, что он мне ни копейки не должен, что я могу забрать себе и котлован, и все, что в нем, и катиться куда хочу. Он, видите ли, будет строить по другому проекту, и это все ему только мешает, а бригада у него своя.

Голос его дрогнул, глаза подернулись влагой. Он налил себе еще рюмочку, капнул чуть-чуть и в Викину. Вике было жалко его и она не нашла в себе сил отказаться.

Выпили.

– А ведь я деньги-то занял, мне же их отдавать надо. А с каких таких шишей? А ведь занял-то я у серьезных людей. Они бумажек не пишут, расписки им ни к чему. Им и так отдают. А если не отдают, то... – и Геннадий Васильевич выразительно провел ребром ладони себе по горлу, от уха до уха, и закатил глаза.

– А что, – ужаснулась Вика, слишком живо представив себе последствия подобной хирургической операции – бедный Славик все еще стоял у нее перед глазами. – ничего нельзя сделать? А этот ваш заказчик? Неужели нельзя найти его?

– А что толку? Мы с ним тоже никаких бумажек не подписывали. Да это-то все пустяки, у нас такие случаи через два на третий. В смысле, когда заказчик деньги зажимает. Если есть резервы, то это не беда. Я еще до этого хуже гораздо облажался. Друг один подбил меня залезть на чужую территорию. Вот тогда меня круто наказали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.